LE CHRISTIANISME

ET

LA MÉTHODE EXPÉRIMENTALE

PAR

CH. LAGRANGE

Astronome adjoint à l'Observatoire de Bruxelles.

Précédé d'une lettre de M. Ernest Naville.

LAUSANNE
Arthur Imer, éditeur.

1883

ХРИСТИАНСТВО
И
ЭКСПЕРЕМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД

Ш. ЛАГРАНЖ
Астроном помощник при Брюссельской обсерватории.

Предисловие — письмо г-на Эрнеста Навиля.

Лозанна
1883

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие Э. Навиля
- Предисловие Э. Рошедье
- Введение
- Глава I – Научный метод и границы теорий
- Глава II – Бог и экспериментальный метод
- Глава III – Спасение достигается через опыт Божьей благодати, а не разумом или делами

Предисловие Э. Навиля

Я с живым и серьёзным интересом ознакомился с рукописью г-на Лагранжа. Я не разделяю всех взглядов этого учёного; и если бы мне пришлось дать критическую оценку его работе, мне следовало бы добавить некоторые оговорки к выражению моей симпатии к труду и глубокой симпатии к автору. Тем не менее, я не колеблюсь желать, чтобы это сочинение было доведено до сведения как можно большего числа читателей, и полагаю, что, публикуя его, Вы сделаете дело хорошее. Вот главный мотив моего мнения по этому поводу.

Наиболее заметный факт в наши дни в области философских и религиозных исследований — это оживление различных доктрин (материализм, пантеизм, детерминизм), которые, несмотря на своё взаимное противопоставление, сходятся в одном: они априори отрицают общие основания всякого позитивного религиозного убеждения и особенно основания христианской веры. Несомненно, в этом нет ничего нового в существенном характере утверждений. Мы указали мыслителей, у которых есть хорошо известные предки в древности. Что касается несколько надменного тона, который у некоторых из них, кажется, стал привычкой, это тоже не ново. Руссо отмечал, что ученые-неверующие его времени проявляли высшую степень напористости и догматичности; и Цицерон сделал замечание того же рода о материалистах своего времени. Особенное же в текущих столкновениях

мысли — это утверждение о прямой противоположности между религиозными убеждениями и результатами науки о природе.

Если немного знать историю великих научных открытий, которые явились источником наших нынешних знаний, то следует знать, что создатели физики, астрономии, физиологии и гениальные математики XVII века все поклонялись Творцу вселенной, и многие из них ярко выражали своё полное согласие с христианской верой. Это — исторически достоверный и легко проверяемый факт. Не знать этого можно; но ещё хуже — соединять к незнанию ошибку. Однако вот что можно услышать и что можно найти, более или менее прямо сформулированным, во многих современных изданиях. Говорят: время сделало своё дело, и современная наука абсолютно противоположна христианскому спиритуализму (духовной философии). По мнению многих наших современников, достаточно серьёзного научного образования, чтобы принять, вместе с Огюстом Контом, что вера в Бога принадлежит прошлому и что после оказания временных услуг она в дальнейшем может оставаться лишь у отстающих цивилизации.

Правда, многие учёные нашего времени, и среди крупнейших, думают, как думали Кеплер, Ньютон, Халлер, Линней... что мир не объясняется без существования Суверенно мощного и бесконечно мудрого Существа. Они не признают, что «современная физика подводит сторонников доктрины о реальном и свободном Боге», как писал однажды французский литератор; но существуют по этому поводу странные неведения, гораздо менее оправданные, чем те, которые касаются фактов XVII века. Однажды я встретил человека, весьма образованного к тому же, который был глубоко удивлён, узнав от меня, что два из самых прославленных физиков нашего века, Ампер и Фарадей, оба практиковали очень отчетливую христианскую веру. Его удивление было оправдано, ибо он опубликовал труд, в котором была выражена достаточно ясно мысль о том, что в нынешнем состоянии науки христианские убеждения не могут принадлежать никому, кроме невежд или дураков.

В такой обстановке было бы очень полезно сделать известными мысли людей, специально преданных научным исследованиям, и которые не нашли в этих исследованиях оснований для отвержения религиозных убеждений. Г-н Лагранж даёт свидетельство такого рода, и сведения, которые я собрал о нём, придают этому свидетельству весьма серьёзную ценность. Родился в 1851 году, г-н Шарль Лагранж принадлежит к полностью современному поколению; он не приносит в современные дискуссии ума, воспитанного традициями ушедшей эпохи. Офицер артиллерии, после учёбы в школе военных наук, он оставил военную службу по склонности к теоретическим исследованиям. Он написал несколько научных проявлений, которые были благосклонно приняты Королевской академией Бельгии и изданы за счёт этой академии. Его бесспорные успехи привели к созданию для него места астронома-помощника в обсерватории Брюсселя. Чтобы не покинуть эту должность, он отказался от места профессора интегрального исчисления. На момент написания этих строк он возвращается из Чили, куда правительство его страны послало его наблюдать прохождение Венеры по диску солнца.

Таковы сведения, которые мне прислали из Бельгии. Я делаю заключение, что г-н Лагранж — человек, достаточно квалифицированный, чтобы знать, существует ли реальная несовместимость между современной наукой и религиозными убеждениями. Он считает, что нет, и приводит мотивы своей веры. Он хорошо знаком с наукой и исповедует христианство. Я вовсе не намерен выдвигать аргумент авторитета; я лишь говорю, что это интересный факт в нынешних обстоятельствах. Вот почему я считаю, что публикация апологетической работы г-на Лагранжа может быть серьёзно полезна.
Примите, месье, выражение моего очень уважительного почтения.
Эрнест Навиль

Предисловие Э. Рошедье

Христианство, устремляясь устояться среди мира, встречает препятствия и врагов, как и любое учение, претендующее влиять на людей. Но христианское учение, провозглашающее себя божественной истиной, находит препятствия особого рода в самом сердце человека, которого оно стремится возродить, и врагов среди тех, кого оно призвано исцелить и спасти. «Он пришёл к своим, и свои не приняли Его.» Мир — его поле; он хочет завоевать его и установить там царство Божие. Слово, которое является его орудием, — это меч, оружие борьбы, меч Духа. И можно сказать, в этом отношении, что всякое проповедование Евангелия — это всегда была битва. Победа, к которой оно стремится, — это убеждение; и те, кто будут убеждены, будут таковыми лишь «потому, что были побеждены». Эту миссию христианин получил от Бога и должен отчитываться за неё только перед Богом. Это положение — его сила. Он единственный действительно компетентный в своём деле, ибо Бог, от чьего имени он говорит, не нуждается ни в судье, ни в адвокате.

Но христианство, провозглашающее эту спасительную и святую войну, само подвергается нападению и становится защитником. Его принято атаковать в принципе, в происхождении, в догмах, в представителях. Оно защищается не потому, что нуждается в защите, но ради благоговения и ради своих намерений любви к людям; не за себя, а ради них. Оно ставит себя с их точки зрения, идёт вслед за противниками на их поле, рассевает недоразумения, опровергает ошибки или ложные представления, приписываемые ему, словом, делает свою апологетику.

Эти защитные речи варьируются методами и средствами в зависимости от времени и от природы противников. Церковь христианская всегда была на передовой: от первых времен, когда она защищалась от евреев, от язычников, от негативной философии, и защищала своё дело перед римскими императорами; позже она боролась с ересями и, к сожалению, прибегая к оружию насилия, которое ей не свойственно (после того как сама подвергалась гонениям), часто выступала в роли преследователя. Во время Реформации она обновляла свои силы из живых источников апостольской веры. В наши дни ей приходится мериться силами с наукой и современной критикой. В этих переменах более чем одно из старых «оружий» наверняка заржавело, более одного аргумента утратило силу, и, как в других войнах, апологетика призвана совершенствовать свои средства защиты по мере усовершенствования орудий атаки.

Автор этой работы не претендует составить трактат по апологетике и решить проблему уверенности в вере. Его целью является показать путь, который один способен привести к цели, и который привёл его самого к христианской вере. К тому же, апологетика вообще возможна ли? Можно ли доказать христианскую истину как математическую истину? Я так не думаю: философские и нравственные истины не содержат такого рода очевидности, и мне кажется, препятствие, которое нужно преодолеть, заключается скорее не в разуме, а в совести. Доказательства в большинстве случаев — педагогическое средство; в их многообразии они могут по разным путям привести людей к истине, не обладая при этом всеобщей и неотразимой очевидностью.

«Одних», говорит Вине, «приведут к христианству исторические или внешние аргументы; других, менее склонных к этим изысканиям, сильнее поразит внутренняя очевидность священных Писаний». Но, в конечном счете, остаются три несомненные вещи: во-первых, что доказательства пока не заставили замолчать неверие и долго ещё не заставят его замолчать — неверие, которое, подобно времени святого Павла, не лишено серьёзных аргументов для ослабления веры нашего духа; во-вторых, что после того как эти доказательства приняты, остаётся ещё более важное дело — идентифицироваться душой с воспринятыми истинами, и это собственно вера; и в-третьих, что, к счастью, это последнее

действие не только завершает первое для многих людей, но и достаточно само по себе и заменяет все другие доказательства.

Вся работа автора заключается в вопросе метода; он хотел применить к Христианству метод экспериментальный, тот же, который применяется в собственно-научных дисциплинах. Он признаёт бессилие рассуждения в производстве уверенности, и поэтому требует опыта. Он просит метод экспериментальный с тем же упорством и легитимностью, с каким физик или химик требуют его, чтобы установить факт или заключить закон. Но он требует его с теми же условиями, которые требуют эти же учёные — условия, необходимые в отношениях, что устанавливаются при химическом анализе или физическом опыте. Однако, раз элементы не того же рода, что те, которым подчиняют физический опыт, он просит, чтобы эти условия соответствовали природе истин божественного порядка. Эти условия, необходимые для опыта, имеют своё местопребывание в душе. Это сама душа, которая должна поставить себя в необходимых условиях, чтобы опыт совершился.

«Истина», говорит Вине, «имеет титул в самой себе; она есть своё собственное доказательство; она демонстрируется, показываясь; и сердце — зеркало истины; но это зеркало, поставленное неверно, не отражает света, пока не повернуто рукой божественной в сторону солнца; сердце нуждается в склонении; то, что в нас принимает истину, что в нас познаёт, верит и любит, — это не сердце таким, каким оно есть, а сердце склонённое, и прежде всего сердце смирённое, сердце, «предлагающее себя смирением вдохновениям», как выражается Паскаль». (Etudes évangéliques, стр. 193.)

Вот условие опыта; вот необходимая подготовка для применения метода экспериментального. Такова основа добросовестной работы, которую вы прочтёте. Можно сказать, что это развитие слов Иисуса: «Если кто хочет исполнять волю Отца Моего, тот узнает, что учение Моё от Бога».

Э. Рошедье.

ВВЕДЕНИЕ

Люди, отказывающиеся принять религиозные истины, делают это по весьма разным мотивам: одни потому, что признание этих истин было бы серьёзным препятствием для их страстей; другие потому, что они не согласуются с идеями, которые они составили о порядке вселенной. Первые всегда составляли и составляют доныне огромное большинство противников религии; вторые — лишь небольшое меньшинство, но это — элитное меньшинство, которое знает силу своих орудий и удваивает свою силу холодностью, с которой ими располагает. Мы говорим: меньшинство. Конечно, число тех, кто претендует основывать свои философские и религиозные мнения на научных выводах, ныне больше, чем когда бы то ни было. Но нужно вглядеться и чётко различить искреннее неверие, порождённое рассуждением, от неверия, которое использует рассуждение лишь как средство защиты; иначе говоря — неверие, следующее за рассуждением, от неверия, которое предшествует ему. Первое происходит из интеллектуальной системы индивидов; второе — из их моральной системы. Рабы последнего неверия неисчислимы.

Уверенность, с которой эти люди решают от имени науки величайшие проблемы, сначала внушает благожелательному слушателю мысль, что они глубоко и долго изучали вопросы, о которых говорят, и что серьёзность их ума соизмерима с тяжестью их утверждений. Но на самом деле большинство из них никогда ни видели, ни думали независимо; найдя в окружении мнения, созвучные склонности их чувств, они принимают их слепо, и вся их тактика защиты состоит в цитировании авторитетных имён, которые их высказали. Так что нет более подверженных принципу авторитета, чем эти мнимые свободомыслящие: «мы

прочитали», — «этот доказал» — «наука решила»; никто более, чем они, не дрожит перед идеями; и когда снимаешь маску науки и серьёзности, под которой они стремятся укрываться, видишь, что их ревностные убеждения имеют своим настоящим и единственным вдохновителем природную лень их души.

Остаётся, значит, верным, как мы сказали, что искреннее неверие, возникшее в некоторых умах в силу непрерывного влияния научных забот, — исключение, а не общее правило. И только с такими исключительными умами возможно открыть по-настоящему научное обсуждение религиозной области; ибо если с одной стороны их искренность, будь она искренняя или поддельная, даёт им силу и авторитет, то с другой — она открывает свободный доступ к их противникам. Однако даже в этих условиях трудность велика; опыты, которые уже предпринимались, абсолютно обескураживают, и бесполезность принципиальных диспутов стала аксиомой, служащей подушкой безразличия.

Этот результат объясняется двумя причинами: либо методы исследования, принятые собеседниками, различны, и между ними не может быть общего аргументационного звена; либо, согласившись в методе, этот метод сам по себе неспособен привести к уверенности. Первый случай часто возникает, когда из двух собеседников один — научный неверующий, другой — убеждённый верующий. Тогда существует не простое неравенство в силе аргументов, но подлинное недопонимание. Это недоразумение сводится к следующей отличительной черте: дух веры заботится гораздо больше о самой истине, чем о средствах, применяемых для её получения, тогда как всё внимание научного духа сосредоточено на изучении методов исследования.

Изучение наук для большинства учёных — то, что охота для людей света: средство активности, чтобы обмануть скуку жизни. Активность телесная в одном случае, интеллектуальная — в другом, вот и вся разница. Тот, кто ломает голову над тем, находится ли он на несколько лиг ближе или дальше от солнца, заботится о расстоянии до солнца примерно так же, как охотник — о зайце, за которым он гонится; то, что нравится, — это охота, а не заяц. Для верующего любой путь хорош, если он ведёт к истине; учёный, напротив, узнаёт истину по пути, которым она обнаружена. Один постоянно смотрит на цель и преодолевает препятствия без порядка и без метода; другой, глядя на путь, верно следует его извилинам и терпеливо ждёт новых горизонтов.

Собственно ученый любит в общем больше истину ради нее самой, чем ради себя; стоит только ему стать созерцательным, то есть остановиться и смотреть на истину, он скользит по склону религиозного чувства. Должно ли удивляться, что повторяемые утверждения, обращения к чувству, энтузиазм убеждённого верующего не поколеблют сопротивления учёного так же, как конёк скользит по льду, не врезаясь в него?

Что касается второго случая — когда собеседники согласны в методе, но этот метод сам по себе неспособен привести к уверенности — такие примеры принадлежат всем философским рассуждениям. Материалисты или спиритуалисты накапливают по-своему факты и индукции, благоприятные их делу, чтобы увеличить вероятность; затем, когда эта вероятность достигает в их уме некоторого уровня, согласованного с их личным чувством, они принимают её за уверенность и обрекают на слепоту тех, кто не сдаётся. Принимать вероятность за уверенность — это, без сомнения, не очень научно; однако учёные, которые покраснели бы от такого хода в физике, не краснеют, когда речь идёт о самых серьёзных проблемах их собственной судьбы. Они осмеливаются давать в практику и для жизни других решения, покачивающиеся, подпорченные сомнением и поддерживаемые одними лишь утверждениями, которые по своей сути признают бессилие.

Возможно, не будет парадоксом сказать, что среди самых скептических людей сегодня трудностью является вовсе не заставить верить, а заставить сомневаться. Ничто так не распространенно, как претензии - ничего не утверждать без доказательств; но ничто не более редко, когда доказательств нет, чем разумно приостановить суждение. Мы различаем обычно два рода умов: дух веры, который верит слепо, и научный неверующий, который повинуется только разуму, умеет сомневаться и не питает иллюзий. Глубокий взгляд покажет, наоборот, превосходящую власть духа веры; различаются лишь убеждения.

Сегодня существует целое поколение образованных людей, которые искренне думают, что выросли в школе свободного исследования и которые проникнуты самыми абсолютными догмами. Эти догмы они никогда и не обсуждали; они приняли их как догмы, то есть со слепой верой. Те, кто ищет в одном только влиянии воспитания объяснение привязанности к религиозным убеждениям, не замечают, что сами они питались отрицанием на скамьях своих школ, что никогда не стояли одни наедине с истиной, и что лишь сменив одни предрассудки на противоположные, они освободились не от предрассудков, а стали рабами иных предрассудков.

Другие умы реагируют против этой тенденции, идол на идол: на вавилонский идол отрицания они противопоставляют идол Бога, созданного по их образу, метафизического, абстрактного существа, которому они не приписывают никаких качеств, могущих потревожить сон их душ; они отодвигают Его настолько далеко, чтобы ни Его провидение, ни Его свобода, ни Его справедливость не мешали принудительному развитию законов природы: «Бог философов и учёных, не Бог Авраама, Исаака и Иакова». Но такое утверждение не более легитимно, чем отрицание, которое оно хочет опровергнуть. Мраморный Бог философов не более научен, чем Ваал материализма. С той и другой стороны — гипотеза, а где же достоверность?

Достоверность находится в строгом, то есть искреннем и смелом применении научного экспериментального метода к великой проблеме, которая нас волнует, первой точкой которой является само существование личного Бога. Это то, что мы намерены показать. Беря с одной стороны человека, с другой — того Бога, чьё существование ставится под сомнение, мы, следуя точно ходу физических наук, посмотрим, можно ли каким-либо опытом сделать это бытие ощутимым. Если такой опыт возможен, никто не будет иметь права утверждать или отрицать, не испытав его лично; само присутствие Бога будет доказывать Его существование, и метафизическое рассуждение уступит место живому факту.

Одновременно будут решены бесконечные философские диспуты, и научное сомнение будет удовлетворено сверх всякой меры, поскольку мы будем склонны в его пользу, принимая истинным только то, что видели своими глазами и трогали руками. Тогда можно будет спросить, что более научно: отрицать факт, который не испытывали, или добросовестно совершить требуемый опыт для его проверки. Однако при реализации этого предприятия нашим противником будет дух системности, который, в одном или ином смысле, подменяет призраки реальностью и сознательно расставляет преграды на прямом пути к истине. Нам потому важно точно определить правила научного метода, выявить сомнение, которое омрачает ложные или неполные применения этого метода, и опереться, наконец, на это универсальное сомнение, чтобы сделать ещё более неотразимой необходимость прямого и личного опыта.

Глава I – Научный метод и границы теорий

Наблюдать, экспериментировать, затем группировать частные факты вокруг общих фактов, подниматься индукцией от следствий к причинам и тем самым включать в круг представлений всё более и более широкий набор этих фактов — вот в общих чертах современный научный метод. Из двух его частей первая, то есть наблюдение и опыт, содержит единственную уверенность, ибо она напрямую обращена к фактам, а факты являются доказательствами сами себе. Вторая же часть имеет целью, не сумев иначе, создать системы всё более вероятные; она всё время приближается к уверенности, но никогда не достигает её и сохраняет, таким образом, гипотетический характер.

Чтобы ясно показать расстояние, которое отделяет эти два пути в отношении уверенности, можно сделать следующее предположение. Среди всех научных теорий нет, пожалуй, такой, которая была бы так хорошо установлена, как теория тяготения. Представим себе вымышленного наблюдателя, обитающего в небесной сфере, который получает известие о законах Ньютона и о системе мира, вытекающей из них. Сравнивая теоретические указания с движениями сфер, вращающихся вокруг него, он установит, что между ними существует, вплоть до самых деликатных обстоятельств, замечательное соответствие. Он будет склонен считать абсолютно достоверной и гипотезу, и её следствия, которые он ещё не проверил: он, например, может считать себя вправе утверждать, что на земной поверхности, на которую он ещё никогда не ступал, камень постоянно падает к центру. Это один из случаев, когда уверенность, основанная на теоретической индукции, могла бы с уверенностью считаться неоспоримой.

Но пусть наблюдатель сойдёт на земную поверхность, возьмёт камень в руку, поднимет его, отпустит и увидит, как он падает у его ног: какая разница между полной уверенностью, вытекающей из этого простого личного опыта, и почти-уверенностью, полученной длинными рассуждениями и основанной на тысячах проверок, чуждых самому факту.

Если так, если как только мы уходим от простой констатации фактов, как только мы обобщаем и делаем индукцию о том, что должно быть из того, что есть, мы вступаем в область сомнения, заменяя уверенность вероятностью, почему бы не свести науку к эмпиризму? Ответ в том, что научные гипотезы, хотя и не обладают абсолютной прочностью, ведут науку к экспериментальному установлению новых фактов и таким образом помогают ей поднимать всё выше уровень своих уверенностей; они — снежные мосты, которые, хотя и обрушиваются под ногами путника, помогают ему достигнуть вершин высоких гор. Также потому, что в реальности явления не представляются изолированными и независимыми, но, напротив, связаны между собой отношениями причин и следствий; и конечная цель науки — не иметь каталог фактов, а открыть творческую мысль, порождающую эти факты.

Когда теории достигают некоторой степени вероятности, на практике привыкают их рассматривать как достоверные; но в строгом смысле слова никто ничем не уверен, даже универсальным тяготением, даже системой Коперника. Мы уверены, что солнце взошло сегодня; мы не абсолютно уверены, что взойдёт завтра. И физические науки не единственны в этом законе неопределённости. Скептицизм логики осмеливался атаковать даже математику: сколько споров, например, о принципах исчисления бесконечно малых, рассматриваемого одними как теория абсолютной истины, а другими — как система, чьи ошибки компенсируются таким образом, что результаты никогда не искажаются. Математика бесконечно малых имеет уверенность лишь для духа, верящего в бесконечность; но доказать существование бесконечного посредством рассуждения нельзя, и в это ведёт иной путь.

Когда доказано бытие Бога, из этой первой истины вытекает множество других капитальных истин. К ним относятся, в частности, все те, которые лежат в основе различных наук и которые обычно называют первыми принципами. Таковы, например, представления о пространстве и времени, о бесконечности в геометрии и математике. Единственная причина, по которой мы верим в существование этих объектов такими, какими мы их себе представляем, не имея возможности проверить их фундаментальные свойства, — это то, что Бог не мог нас обмануть, дав нам такую явственную ясность о них в нашем уме. Так мы не можем представить пространство иначе как непрерывным и бесконечным, хотя все наши наблюдения и опыты никогда не представляют нам ничего иного, как дискретные и ограниченные объекты.

Бесконечность для нас не факт, так как мы её не наблюдаем и не экспериментируем её; наш научный долг — считать её весьма вероятной гипотезой, но не уверенностью. Но устойчивость этой идеи, которую мы находим повсюду и от которой не можем на мгновение отвлечься, её необходимость в объяснении фактов, очевидность её самопроявления — всё это — непрерывное свидетельство Самого Бога для верящего в Него. Итак, Бог не может нас обманывать; значит, мы можем принять эти первые объекты с абсолютной уверенностью. Это красивая доказательная линия Декарта о достоверности первоначальных научных представлений. Однако основание этой доказательной линии — существование Бога — Декарт выводит из рассуждения, тогда как оно должно быть выведено из прямого опыта. Но следствие одно и то же. Науки, так же как и мораль, не могут быть строго установлены без понятия о существовании Бога; без него нет нигде уверенности, есть только вероятности. Нельзя искренне быть геометром, если не верить в Бога.

Но если мы обращаемся к действительно враждебным умам, к «неразумному, который говорит в сердце своем: нет Бога» (Псалом 13:1; 52:2), на какой надежде мы можем основать метод демонстрации, результат которого всегда сводится к тому, чтобы оставить сомнение? Это сомнение подобно бреши, через которую противник проникает с тысячью возражений. Один и тот же факт можно объяснить многими разными способами. Если факты приравнять к точкам, положение которых определено, системы, придуманные для их объяснения, должны быть приравнены к кривым, проходящим через все эти точки. Но существует бесконечное множество кривых, которые удовлетворяют этому условию более или менее хорошо, без того чтобы какая-либо удовлетворяла точно. Убежденному верующему скажут: «Ваша кривая, верно, проходит очень близко ко всем точкам, но вот другая, которая тоже недалеко. Если эта точка благоприятна для вас, та — для меня».

Так и есть; многие люди строят свои собственные системы о мире и о роли человека в мире, которые удовлетворяют их так же, как система христианская, представленная как вероятная гипотеза, может удовлетворять христианина. «Я не чувствовал бы себя достаточно сильным, — говорил Паскаль, — чтобы найти в природе что-либо, способное убедить закоренелых атеистов». Действительно, когда сердце, лишенное разума, полно тьмы, разум блуждает в пустых рассуждениях.

Следовательно, нужно не отвечать на рассуждения другими рассуждениями и тем самым узаконить недопустимое оружие, а, если бы человек обладал силой, рассеять тьму сердца.
Многовековой опыт должен был бы чрезмерно убедить спиритуалистов не только в том, что одни лишь их рассуждения никогда не обращали неверующих, но и что они даже не могли убедить их в ошибке. В этом пункте многие, без сомнения, не согласятся; но как бы неприятно ни было пытаться разрушить благородные иллюзии, важно на этом настаивать: во-первых, потому что эти иллюзии служат доводами для противников и компрометируют дело; во-вторых, потому что большинство спиритуалистов, следуя ложному методу, который мы критикуем, сами ошибались и из фиктивного человека выводили ложного бога.

Попробуем ярче осветить эти трудности и эту беспомощность. Среди предполагаемых доказательств существования Бога первое и самое популярное, якобы предшествующее всем другим, — это моральное доказательство.

Всегда, говорили, люди были поражены противоречием между моральной ценностью индивидов и счастьем или несчастьем их положения. Чувство справедливости естественно заставляло предполагать, что нынешняя жизнь — не полное существование и что компенсация устанавливается после смерти; но так же, как угнетенный обращается среди людей к установленному человеку, к судье, который наказывает виновного и не позволяет ему причинять больше вреда, этот судья является санкцией закона, так естественно предполагать, что в будущей жизни существует судья, чтобы быть одновременно исполнением и санкцией закона; чтобы судить случаи, он должен их знать, а значит, следить за действиями людей на земле; не за одним, а за всеми; его юрисдикция универсальна, отсюда и идея всемогущества.

С другой стороны, мы можем интерпретировать природные явления, благоприятные или неблагоприятные, как благословения или наказания; поэтому естественно предполагать, что природа — инструмент в руках этого верховного судьи; что если она подчинена ему во всех деталях, он — её творец, то есть создатель. Более того, идея справедливости в моральном порядке неотделима от идей доброты, любви к добру и ненависти к злу; в физическом порядке порядок и гармония, столь замечательно проявленные, являются как бы символом и свидетельством общности происхождения. Так совесть с одной стороны, внешняя природа с другой объединяются, чтобы заставить нас искать вне временного существования центр тяжести нашего полного существования, и каждый новый видимый недостаток справедливости в природе является с этой точки зрения аргументом в пользу невидимого мира и Владыки, который управляет его экономией.

Но как пытались доказать реальность этого умозаключения? Говорили, что обратное невозможно, что невозможно, чтобы справедливость не была восстановлена. Но что ответить тем, кто скажет: «Справедливость не восстановлена, почему она должна быть восстановлена? Что такое справедливость?» Если необходимо для порядка существующих вещей, чтобы вы страдали, делая добро, а другой был счастлив, угнетая вас, вы не имеете права жаловаться, и ваши слезы исходят лишь из вашего невежества. Справедливо ли или несправедливо, что в машине одна деталь гнется сильнее другой под действием двигателя? Добро — это лишь то, что вам благоприятно, зло — то, что вам противно; но общий порядок не заботится о вас!

Это печальное объяснение, если хотите; но почему объяснение Вселенной не должно быть печальным? Вы чувствуете себя созданным для счастья, но кто докажет, что это желание должно быть удовлетворено? В недрах земли находятся тысячи атомов углерода в виде угля, пригодного для сжигания, которые, однако, могли бы сиять всеми огнями алмаза и тысячелетиями славно простираться перед глазами людей, обладая твердостью, которая в некотором роде обеспечивает им бессмертие. Почему же они никогда не становятся алмазом?

Вся ваша теория — чистая гипотеза; вы находите её вероятной: было бы недолго привести доводы против неё. Ваш Бог — существо совершенно доброе, совершенно мудрое, совершенно справедливое, говорите вы, и, тем не менее, как же несовершенным инструментом является природа, которую Он создал! Почему такая бесконечно долгая последовательность некоторых процессов, чтобы часто прийти к абсолютно неполным результатам? Почему такое страдание, распространённое повсюду, не только среди людей, но и среди животных, которым вы не приписываете моральной ответственности?

Какое зрелище, если смотреть с точки зрения фактов, представляют земля и живые существа, которые она носит! С самых отдалённых времён последовательные её слои показывают страдания тысяч существ; здесь велась и продолжается до сих пор ожесточённая борьба между сильным и слабым; повсюду лишь сцены резни и кровавой бойни. И если бы, чего невозможно, все существа, населяющие земной шар, согласились помогать друг другу и обеспечить полное осуществление мира, разве смерть со всеми её ужасами всё же не оставалась бы верховной? Ничто её не побеждает — ни ресурсы науки, ни вся человеческая индустрия. «Как бы прекрасна ни была комедия во всём остальном, последний акт трагичен: немного земли на голову — и всё кончено навсегда».

Что вытекает из фактов как вероятная гипотеза? Разве не скорее то, что если существует высший гений, благожелательный к добру, то существует другой, гораздо более могущественный, который воплощает дух зла. Именно он управляет всеми вещами, и зачем вам даже предполагать рядом с ним дух добра? Этот дух — вы сами, а ваша жизнь, жалкие создания, трагически проходит в борьбе с духом зла, пока вы не закончите своё жалкое существование в агонии. Вот гипотеза, которая объясняет зрелище мира так же хорошо, как ваша. Она даже проще, так как не требует выживания отдельных индивидов. Вы говорите, что у машины должен быть создатель; но этот создатель необязательно личное и разумное существо. Доказательство в том, что неживая природа даёт нам результаты, полные разума, благодаря математическим силам, чисто механическим или динамическим действиям материи.

Ньютоновское притяжение достаточно, чтобы объяснить порядок и восхитительную гармонию миров до мельчайших деталей; таким образом, этот разумный результат обусловлен слепой причиной. Вы хотите подняться выше и назначить причину притяжению, но ничто не заставляет вас делать эту гипотезу, ни один факт не делает её необходимой; вы прибегаете к ней лишь для того, чтобы согласовать вашу систему с уже известным научным результатом; но с точки зрения строго беспристрастного исследования тот факт, что притяжение достаточно для объяснения формирования миров и их движения, является ударом по вашей доктрине, а не новым аргументом в пользу мудрости и силы вашего Бога.

Кто среди спиритуалистов или самых убеждённых христиан почувствовал бы себя достаточно сильным, чтобы опровергнуть чистыми рассуждениями эти парадоксальные и богохульные выводы? Чтобы таким образом развеять тьму ума, который превращает добро в зло, а зло — в добро? Ах! Без сомнения, мы ответим и будем продолжать отвечать, что так же безумно для человека пытаться войти в совет Создателя, как для атома регулировать ход Вселенной; но хотя бы отчасти рассеялась бы тьма, окутывающая происхождение нашего положения, для тех, кто осмеливается обвинять Бога, если бы они сначала обратили на себя обвиняющий взгляд справедливости.

Общий закон, который уже в этой жизни доказан множеством случаев, — это закон, согласно которому несчастье является неизбежным следствием зла. Другой закон — закон солидарности, который связывает нас с другими существами и по которому они получают ответную реакцию на наши действия и даже мысли. Итак, скажем: наши страдания и страдания созданий являются по этим двум законам результатом и доказательством восстания человека против природы, вышедшей из рук Бога, полной гармонии и любви, чьи глаза слишком чисты, чтобы видеть зло. Для того, кто хоть немного знает человека, что вероятнее: совершенный человек — жертва злобного творческого гения, или Бог, полный силы, мудрости и милосердия, чьё святое творение мы бесконечными нашими нарушениями оскверняем и в себе, и вне себя?

Да, без сомнения, земля даёт печальное зрелище, и дух зла и восстания оставил даже в её глубинах и рассеял на протяжении веков следы своей сатанинской деятельности; но мы не

просто зрители: эти следы одновременно мера греха созданий и их неизбежной ответственности. Чтобы избежать этого последствия, которое его осуждает, человек пытается отрицать Бога и Его Провидение и, вопреки всякой причине, истолковывать живые откровения, написанные огненными буквами в природе. Он принимает тогда как последнее слово науки рассуждения, которые в любой другой области вызвали бы у него лишь улыбку сочувствия. Сначала он не мог понять, что у часов нет часовщика, теперь ему ничего не кажется проще; у него нет достаточно высоких слов, чтобы прославить имена людей гения, которые в простой формуле заключили бесчисленные и сложнейшие явления науки о небесах; он восхищается этой могучей творческой мыслью. Но когда дело доходит до самой работы, модели, чьи лишь черты эти люди копировали, всё иначе: нет ни мысли, ни разума; есть лишь случайность и слепота!

Что бы они ответили, если бы, показывая им пять томов «Небесной механики», мы сказали: «В этих пяти томах столько же миллионов букв и алгебраических знаков, которые, расставленные в порядке, который вы видите, и только в этом порядке, являются символическим выражением восхитительной системы реальностей. Поменяйте местами один знак — и вся система станет неверной». Вы думаете, что этот порядок и этот единственный порядок обусловлен тем, что у этих книг есть разумный автор, которого вы называете Лаплас? Это не научно, вы поэтизируете; все эти буквы расположились сами по себе, случайность — великий мастер; но верить, что ваш Лаплас когда-либо существовал, что был человек, который придумал идею заранее и реализовал её в этом труде, — это не научно; это для слабых умов, которые не изучают при свете холодного разума и не умеют оценивать вероятности.

И всё же именно так говорят о другой книге, чьи символы ещё многочисленнее, расположены в не менее необходимом, не менее абсолютном порядке, и чьи мельчайшие части — мир, глубины которого мы не можем исследовать; верят в Лапласа, и не верят в Бога. Воистину, те, кто делают Богом свой разум, должны внимать своей совести, хотя бы для того, чтобы не действовать неразумно. Но исправляет ли это очевидное? Призывают к совести, но как рассматривать её как абсолютный критерий, когда видишь, что совесть может исказиться или уснуть, целые общества следуют без протеста законам, которые возмущают других? На самом деле, для внимательного наблюдателя не существует двух людей с одинаковой совестью. Встречаются личности, действительно неспособные почувствовать определённые моральные истины; чтобы сделать их доступными, необходимо не только «очистить» их совесть, но и преобразовать её, сделать так, чтобы она, в некотором смысле, участвовала в новой духовной субстанции, в иной совести.

Не нашёлся бы более эффективный способ демонстрации, если бы показать в истории человечества прямое вмешательство чуждой и высшей воли? Считалось, что такие проявления действительно существуют; пытались доказать, что некоторые исторические факты не могут объясняться естественной последовательностью предшествующих событий и требуют вмешательства свободной силы. Это был шаг к применению экспериментального метода. К сожалению, противники всегда могут ответить, что если некоторые факты кажутся необъяснимыми аномалиями, то это не потому, что они таковы на самом деле, а потому что мы знаем лишь приблизительно закон социологического развития.

Подобным образом в физических науках существует достаточно большое число законов, которые в общих чертах выражаются простыми формулами, а аномалии исчезают при использовании более сложных формул. Когда этот подход ускользает от них, они не колеблются заменять простую и естественную интерпретацию самыми парадоксальными гипотезами. Мера этих логических отклонений была избыточно продемонстрирована спекуляциями отрицательного духа, сталкивающегося с центральным фактом истории: личностью Иисуса Христа и удивительной силой распространения Его Евангелия.

Что бы ни говорили, никогда не объяснишь чисто человеческими причинами, как три года проповедей сына плотника, обращённого к необразованным людям, впитанным предрассудками самой узкой секты и национальности, перевернули языческий мир и проникли, невольно, в современное общество; как несколько простых людей, потерянных среди фанатичной толпы, только что распявшей их Учителя, объявляют, что Иисус — Сын Живого Бога и искупил на кресте кровью грехи мира, и как, объявляя эту «безумную» истину, они оставляют миру книгу, глубина и возвышенность которой никогда не были равны; как эти рыбаки и палаточники спустя восемнадцать веков остаются одновременно наставниками и утешителями Паскаля и Ньютона.

Для всякого действительно беспристрастного и свободного от предрассудков ума ясно, что эти факты не являются естественными и бесконечно больше свидетельствуют в пользу прямого действия Бога, чем против реальности этого действия. Что ж! Ослабило ли это неверие? Ни в малейшей степени. И всё же оно ясно почувствовало трудность; настолько, что, не в силах с ней справиться, просто её устранило, отрицая существование Иисуса! И при этом не заметило, что это отрицание — самое яркое признание ошибки перед истиной, так как открыто заявляло, что Христос не мог быть просто человеком! Мы не считаем, что после этого примера кто-либо сможет надеяться убедить закоренелых неверующих только изучением исторических фактов.

Такая же беспомощность встречается, когда от демонстраций, основанных на изучении мира в целом, переходят к тем, где объектом наблюдения является человеческий дух. Декарт, смело возобновив концепцию святого Ансельма, попытался, начиная с абсолютного скептицизма, достичь уверенности. Поставив себя, по гипотезе, в положение человека, сомневающегося во всём, он обнаруживает, что есть вещь, в которой он не может сомневаться — это то, что он сомневается; но сомневаться — значит мыслить. Он мыслит; вот факт, а значит, уверенность, и эта уверенность в его разуме сливается, как луч света, с уверенностью в его существовании. Одно невозможно без другого; обе уверенности сливаются, и он восклицает: «Мыслю, следовательно, существую».

Затем, исследуя то, что находится в нём самом, существо, ограниченное во всех смыслах, он находит идею бесконечного; идею бесконечного в силе, добре, справедливости; но является ли эта идея творением его мозга? Нет, следствие не может быть больше причины; невозможно, чтобы эта идея существовала для него, если у неё нет внешнего существования. Существо, соответствующее этой идее, — это Бог. Следовательно, Бог существует. Такая последовательность рассуждений, полная гения, кажется убедительной тому, кто изначально верит в Бога. Но как много возможностей для критики у атеиста или скептика!

Можно, как уже делали, утверждать, что у нас нет идеи бесконечного, а есть идея неопределённого. Но даже если это допустить, следует ли из этого, что бесконечное существует? Причина — это мозг, мыслящее существо; следствие — идея бесконечного, а не само бесконечное. Какова же связь между идеей и мыслящим существом? Разве невозможно, что человек обладает в себе способностью к росту и совершенствованию, и поэтому естественно, что он может создавать представления о вещах более высоких, чем те, последствия которых он уже осознал? Если у него есть эта способность (и как доказать, что нет), не может ли он по индукции расширять свой идеал до бесконечности и создавать идеи, ещё не реализованные, но к которым он ежедневно стремится?

Предположим, например, что человек обладает в себе бесконечной способностью к развитию (сколько людей готовы так верить!): он сможет со временем бесконечно приближаться к созданному им идеалу, он станет своим собственным богом, сможет сам преодолеть принцип несовершенства или зло, представленное природой. Вот целая

философия, которая, не признавая существования Бога, вполне согласуется с идеей бесконечного, найденной Декартом в человеческом мозге. Возможно, нет философской системы, у которой не было бы противоположного взгляда, защищаемого с большим талантом; здесь, как и в научных теориях, уверенности нет, потому что самые важные истины представлены лишь как следствия рассуждений, а не как факты.

Пока духовная философия остаётся в области наблюдательной психологии, то есть изучает способности души, пока она констатирует, что человек мыслит, желает, чувствует, она неуязвима и полностью согласна со всеми другими философиями. Даже материалисты не могут отрицать мысль, чувство и волю в человеке; это имена, присвоенные фактам. Далее остаётся объяснить эти факты — только материей или только духом; с этого момента начинаются гипотезы. Аналогично, фактом будет то, что большинство людей имеет идею Бога; остаётся объяснить, почему это так: является ли это результатом действия существующего Бога, или же просто идеей, распространённой в мире и поддерживаемой воспитанием, страхом, слабостью, интересом, вкусом к поэтическим идеям, или, по материалистам, способным определить вещи, результатом инерции материи?

Если материализм хорошо ощущает свою моральную несостоятельность, он считает себя неуязвимым, как только речь заходит о фактах наблюдения физического мира. Однако даже с этой исключительно ограниченной точки зрения у него есть лишь вероятности. Мы могли бы настаивать на том, насколько незаконно такой исключительно односторонний подход, ведь при изучении любого объекта недопустимо игнорировать половину его сторон; ограничимся здесь констатацией того, что индукции всегда неизбежно гипотетичны. Материалисты никогда не могли взвесить дух, они видели его проявления лишь через материю; следовательно, они считают доказанным только то, что видели, то есть факты. И в этом они правы. Но что говорят факты? Они лишь показывают, что духовные проявления никогда не происходят отдельно от материальных, и что между двумя этими видами существует такая связь, что слабое изменение в материальном может глубоко изменить духовное. Что наблюдаемые эффекты вызваны лишь материей — факты этого никогда не утверждали.

После смерти всё, что известно об организме человека, распадается, и в весе восстанавливается точно масса организованного тела. Что это доказывает? Что душа не существует? Возможно, но возможно и то, что она существует в невесомом состоянии; ведь мы предполагаем существование эфира, невесомой субстанции; почему не может существовать духовная субстанция? Более того, заранее предполагать, что эта духовная субстанция, если бы она существовала, должна проявляться так же, как физические силы, — недопустимое предвзятое предположение. Даже если принять, как правило, что дух может существовать только в соединении с материей, разве мы знаем все возможные организмы? Уверены ли мы, что не существует жидких или газообразных организмов? Даже эфир, если он существует, разве не может быть частью организма?

Все эти гипотезы в пользу выживания души, без сомнения, ничего не доказывают, но и противоположные гипотезы также ничего не доказывают. Мы окружены неопределённостью, и всё подлежит обсуждению. Но пойдём дальше: допустим точность физических выводов материализма, предположим вместе с ним, что дух и материя — одно и то же. Мы утверждаем, что даже в этих условиях материалист не имеет основания отвергать как невозможное существование личного Бога. Материалист, по сути, объясняет духовные факты через свойства материи; но он не отрицает существование разумных существ, не хочет уничтожить их моральные связи; он даже признаёт, что эти связи необходимы для нормальной работы «машины».

Что мешало бы ему предположить универсальный организм, соединённый со всеми частными организмами так же, как они соединены между собой? Этот универсальный организм оказывает моральное влияние (всё ещё объяснимое через материю) на отдельные организмы; они будут действовать хорошо или плохо, в зависимости от того, согласуются ли их движения с движениями универсального организма. Этот организм может иметь, как и все другие, то, что называют личностью (объяснимой через свойства материи); эта личность может любить, ненавидеть, защищать, наказывать, быть полна благородных чувств (ведь все эти чувства объяснимы через материю); почитание и поклонение также будут возможны: разве материалист не почитает своего отца, хотя это всё сводится к красивой серии синхронных движений? Претендует ли он поступать хуже, чем убеждённый спиритуалист? Нет.

Следовательно, сами принципы существования Бога и повиновения Его воле допустимы как в материализме, так и в спиритуализме. Какое значение имеет, если ты скажешь: «Бог — это материя», если эта материя — Всемогущий и милосердный Отец, который заботится о тебе, как ты заботишься о своих детях и любишь их? Объяснение придёт позже; вместо того чтобы принижать дух до материи, ты возвысишь материю до уровня духа. Если ты отказываешься, разве это потому, что ненавидишь в этом Боге даже идею, которую тебе представляют? Эти рассуждения показывают, насколько чувства влияют на кажущуюся чисто научную отрицательность материалистов. Нет человека, которому бы этот Бог, в которого они не хотят верить, не причинил ещё больше беспокойства, если бы они осмелились о нём подумать.

В заключение, и, не обсуждая здесь относительную ценность мотивов, которым подчиняются спиритуалисты и материалисты, мы считаем, что для всякого действительно непредвзятого разума, какой бы школе он ни принадлежал, великие вопросы, которыми они занимаются, до сих пор остаются без строгого научного решения; с обеих сторон существуют априорные убеждения, ради защиты которых накапливаются интерпретация за интерпретацией, рассуждение за рассуждением, и если кто-то утверждает что-либо, это вовсе не потому, что он имеет на это научное право, а потому, что обладание уверенностью — самая насущная потребность человеческого разума.

Утверждения же являются болезнью тех, кто лишён настоящих доказательств. Если кто-то придёт и скажет: «Бога нет», я попрошу его доказать это — и он не сможет. Если кто-то скажет: «Бог есть», я попрошу доказать — и он не сможет. Вот факты. Мы не можем спорить о полной уверенности, а только о вероятности учений. Материалист может сказать спиритуалисту: «Вы не имеете права утверждать существование Бога». Но с какой силой может спиритуалист ответить ему: «А вы обязаны сомневаться!»

Глава II – Бог и экспериментальный метод

Сомнение для человеческого духа — то же, что состояние неустойчивого равновесия для материальной системы: единственная точка разделения между несколькими неудержимыми склонами. Мы подвели читателя к этой точке; но вовсе не для того, чтобы удерживать его там, следуя иллюзии позитивистов. Даже если бы мы захотели, у нас не было бы на это власти: это потому, что с этой точки открывается вид на окружающую местность и можно совершенно свободно выбрать путь, по которому следовать.

Если научный метод, применённый к философии, до сих пор дал лишь столь обескураживающие результаты, это не потому, что он бессилен, а потому, что его ещё не применили полностью. Откуда происходят, собственно, совершенно достоверные данные науки? — Из двух средств исследования: наблюдения и эксперимента. Наблюдение

ограничивается тем, что шаг за шагом следует за явлениями, отмечает все их особенности и определяет их взаимную зависимость. Эксперимент, напротив, состоит в том, чтобы, когда это возможно, вызывать явления, чтобы затем изучать их посредством наблюдения. Так, эксперимент устанавливает, что на поверхности земного шара любые два тела притягиваются в зависимости от их веса и обратно пропорционально квадрату расстояния, или, по крайней мере, что этот закон чрезвычайно близок к истине.

Есть науки, в которых можно использовать лишь одно наблюдение — например, физику небесных тел. Есть другие, где одно наблюдение дало бы лишь ограниченные или слишком общие сведения, и где эксперимент — почти всё: таковы физика и химия. Но ни одна из них не была бы тем, чем она является сегодня, если бы оба метода исследования не применялись постоянно совместно. Даже в метеорологии и геологии эксперимент играет роль: он позволяет в малом масштабе производить явления, которые должны были происходить в большом, и открывать факты, которые одно наблюдение никогда бы не выявило.

Эти два метода соответствуют двум состояниям человека: пассивному и активному. Однако до сих пор в изучении души, то есть в психологии, почти всегда использовали лишь первый. Подобно минералогу, который, встретив камень, поворачивает его в руках, чтобы рассмотреть все его грани, психолог смотрит на свою душу и отмечает то, что в ней находит; он видит, что это нечто, что мыслит, чувствует и хочет. Вот её характеристики. Он может на крайний случай утверждать, что использует эксперимент, когда добровольно приводит эту душу в то или иное состояние; но та часть души, которая исследует другую, всегда находится в пассивном состоянии. Эта часть лишь смотрит и никак не подвергается опыту.

Но что это за часть, которая смотрит на другую? Это сам психолог. Следовательно, именно его он забывает подвергнуть эксперименту, и потому, что он пренебрегает этой важной частью научного исследования, он оказывается неспособным доказать даже самые элементарные истины. Когда химик подозревает в каком-либо веществе наличие нового элемента, он не ограничивается тем, что перечисляет один за другим все внешние признаки этого вещества; он бросает его в тигель, испытывает на нём реагенты, словом, старается раскрыть существование искомого тела каким-нибудь новым характерным фактом. Его справедливо осудили бы, если бы, пренебрегая лучшей частью метода, он притом ещё пытался решить вопрос теоретическими умозаключениями.

Психолог должен поступать так же, как химик. Вместо того чтобы оставаться пассивным в вопросе о существовании Бога, он должен, исходя из самого определения этого предполагаемого Бога, попытаться вызвать факты, которые сделали бы Его присутствие ощутимым. Почему, когда во всех других науках стараются доказать существование реальностей самими реальностями, должно быть иначе в науке наук? Зачем нам искать существование объекта, а не сам объект? Что нам даст бесполезное метафизическое понятие существования Бога? Видно, что применение истинного метода уже преобразует сам вопрос: из очевидности Бога оно делает очевидное следствие более высокого открытия и открывает нам, что Бог в своей мудрости пожелал дать нам познание не того, что Он существует, а Самого Себя. Так мы понимаем причину бесплодных усилий философов всех времён, которые брались за вопрос с противоположной стороны, подменяя познание самого Бога познанием Его существования, и понимаем справедливость Евангелия, которое объявляет неизвиняемыми тех, кто противится внешним доказательствам, ибо их противление есть знак не простой интеллектуальной трудности, а бунта против Самого Бога.

После того как эта точка твёрдо установлена, посмотрим, в чём должен состоять опыт. Если Бог существует, этот Бог, который есть мой Творец и от Которого не скрыта ни одна моя мысль, по самому своему определению связан с моим духом. Я желаю познать Его и через

это познать, что Он есть, но я признаю, что ни мои рассуждения, ни мои усилия, ни усилия всех людей не способны рассеять тьму моего сердца и моего разума — настолько, что я даже не уверен, являются ли эти тьмы тьмой. Должен был бы прийти живой факт, прямое действие, о котором у меня ещё нет никакого представления, но которое было бы для моей души тем же, чем солнце является для моих глаз, — чтобы открыть мне, что Бог присутствует, и рассеять мои сомнения так же, как солнечные лучи рассеивают облака. Если бы я ощутил в себе этот факт, это присутствие Бога, я бы научно уверовал в Его присутствие и существование. Но как получить этот опытный факт? — Обратившись к Нему Самому, потому что только Он один имеет власть его даровать.

Как бы простым и неизбежным ни казался этот вывод, мы слишком хорошо знаем, что он способен возмутить, и что одна лишь мысль о молитве — этом благородном и свободном общении разумного творения со своим Богом — пробуждает враждебность тысяч мелочных предрассудков. Следует настоять на этом, чтобы показать, как редки действительно независимые умы. Есть идеи, которые нам дороги и настолько укоренились, что получили право гражданства в нашей душе, и когда другая идея стучится в дверь, встречаем её не мы сами, а господствующая идея, которая выходит и говорит: «Ты не войдёшь, место занято». Предложите человеку, который испытывает инстинктивное отвращение к любым религиозным вопросам, обратиться прямо к Богу — он пожмёт плечами и ответит вам насмешкой. И всё же это предложение ему представлено как естественное следствие гипотезы, законность которой он сам вам признал.

Отвращение, которое испытывают некоторые умы к религиозным идеям, очень часто происходит от ложного воспитания, которое уже не позволяет им рассматривать эти идеи иначе, чем узко. Какие только представления, происходящие прямо из предрассудков, не пробуждает в таких умах одно лишь слово «молитва»! Они думают, что полностью освободились от ярма всякой положительной религии, и, тем не менее, им почти невозможно отделить это слово от некоторых неприятных образов, заимствованных из культов, чьи обряды они знают. Сколько даже среди самых свободных мыслителей, как только с ними начинают говорить о религии, не могут избавиться от неких фантомов чёток, ладана и ряс, и — подобно серьёзному судье Паскаля, которому муха помешала вынести решение, — оказываются неспособны рассуждать хладнокровно, потому что одно слово им мешает. Это, может быть, детское, но нужно напомнить об этом, так как эти мелочи оказывают огромное влияние даже на, казалось бы, самые стойкие умы.

Следовательно, нужно противодействовать этой пагубной склонности и стараться видеть суть вещей без страсти и исключительно с желанием встретить истину. Вы признали возможным — и это всё, чего мы просим — существование личного Бога; тогда разве невозможно также, что существует разумное общение между Его духом, Его мыслью, Его волей и вашей? Это заключено уже в самом определении. У вас есть отец — но что бы он значил для вас, если бы вы не могли общаться с ним, просить у него поддержки и обмениваться мыслями? Если молитва невозможна, то нам совершенно безразлично, существует Бог или нет. Следовательно, именно молитва составляет для нас средство прийти к решению вопроса. Это настоящая научная опытная проверка, ни больше, ни меньше. В молитве ваш дух соприкасается с духом Бога. Вы уверены, что существуете; вступите в соприкосновение с Богом и ждите реакции. Это решение — единственно возможное между двумя свободными существами. Бог, по самой своей свободе, заключённой в Его определении, может, рассеивая тьму нашего разума, явить Себя нам или отказать в этом доказательстве. Единственное средство — значит, просить Его об этом.

Но вы скажете: «Этого Бога мы ещё не знаем; как можно искренне молиться существу, в существовании которого сомневаешься?» Это верно; но даже в таком случае остаётся ещё одно средство — и именно здесь необходимость действия, то есть опыта, предстает во всём

свете. Человек, который действительно сомневается в существовании Бога, не может обратиться к Нему напрямую. Но он находится в том же положении, что и паралитик, который, сидя в комнате с другими людьми, слышал бы, как они восхваляют хозяина дома, чью необыкновенную доброту, разум и искусство исцеления они испытали сами, и который тоже желал бы узнать его, хотя никогда его не видел и даже может сомневаться в свидетельстве своих соседей. Что бы он сделал? Он попросил бы кого-нибудь из них подойти к хозяину и сказать ему: «Здесь внутри — бедный больной, который никогда тебя не видел, но слышал от нас о тебе. И хотя он не может себе представить, что существует такое совершенно доброе существо, как ты, он просил нас попросить тебя войти, чтобы ты показался ему, утешил и исцелил его, если можешь».

Каждый, кто не знает Бога и сомневается в Его существовании, находится в том же положении, что и этот больной. Он знает других людей, которые уже знают Его. И эти люди, подобно друзьям больного, могут обратиться к Богу от его имени и попросить Его явиться его разуму. Из самого определения Личности Бога вытекает, что если желание человека искренно и чисто, если он действительно страдает от того, что не знает Его, то его просьба не может остаться без ответа. В приведённом нами сравнении ясно, что хозяин дома, тронутый состраданием к желанию паралитика и его друзей, войдёт в комнату, покажется ему и заговорит с ним, ибо здесь действительно болезнь, и только болезнь мешает больному самому выйти навстречу. Но кто осмелится обвинить хозяина дома, если больной действовал бы лишь нехотя, под давлением просьб друзей, питая втайне слепую ненависть к этому человеку только потому, что он хозяин.

Если, исполненный безумной гордыни, несмотря на свою парализованность, он был бы уверен, что исцелит себя сам, собирался бы противиться назначениям врача, спорить с ним на равных и ожидал бы его, раз уж согласился ждать, не с нежным взглядом почтения и уважения, а с ироничным или холодным взглядом самонадеянности и чрезмерного доверия к себе? Никто не посмеет сказать, что в таком случае хозяин дома поступил бы несправедливо, отказавшись сделать шаг навстречу больному; и эта справедливость была бы ещё более несомненной, если бы он уже не раз стучал в дверь, а больной отказывался впустить его и отворачивал глаза, чтобы не видеть. Так вот, столь же справедливо, что Бог отказывает проявить Себя гордой душе, которую в этой притче представляет больной.

Это учит нас, что этот опыт, как и любой другой, чтобы быть возможным, требует подготовки. Физик, который хотел бы проверить посредством окисления металла, есть ли кислород в газовой смеси, позаботился бы, прежде чем привести металл в соприкосновение с газом, нагреть его до подходящей температуры. Он прекрасно знает, что при слишком низкой температуре никакого окисления произойти не может и что, следовательно, отрицательный результат опыта ничего не докажет против существования кислорода. Подобным же образом существует определённое состояние души, при котором отрицательный результат психологического опыта ничего не доказывает против существования Бога. И так же как поведение физика при подготовке опыта основано на знании относительных свойств участвующих тел — металла, который он держит в руках, и кислорода, в существовании которого он подозревает, — точно так же для подготовки своей души к приближению к живому Богу нужно руководствоваться отношениями, существующими между характером Бога и характером человека.

Мы не будем долго останавливаться на чувствах, которые должны бы пробуждать в нас, если Бог существует, Его разум и чудесная художественная сила Его творения. Мы испытываем истинное почтение к некоторым научным умам; мы считаем слишком тесным то место, которое отведено в нашей памяти тому, кто первым открыл истинную систему мира, тем, кто изучал её многочисленные следствия, и также тем, кто, овладев природными силами, поставил материю на службу разуму и преобразовал условия жизни. Но какое место

занимает в нашей благодарности этот Ученый, этот Математик, этот Инженер, чей разум и сила превосходят и стирают воспоминание обо всех этих гениях? Разве мы не понимаем, что, если Бог существует, то наши мнимые творения — лишь открытия, наши вычисления — лишь проверки, а наши мысли — всего лишь отражение Его мыслей?

Наша история всегда остаётся историей Галилея: направив линзу к небу, он приблизил небо к земле и преобразовал астрономию; и, однако, те же самые законы оптики, которые он впервые применил в телескопе, с начала мира были применены в глазе, который он приложил к окуляру. Ещё, быть может, больше, чем математическая точность исполнения, нас привлекает в творении Бога — того Бога, существование которого мы предполагаем, — его несравненная красота. Это творение — не подобно человеческим произведениям, которые лишь воспроизводят образец, сделанный более интересным личной интерпретацией художника. Это подлинное творение, которое мощное дыхание оживляет и поддерживает непрестанно. Сказано, что величайшие поэты никогда не достигали той силы впечатления, которой обладает природа; я легко понимаю это, если эта природа — в руках божественного художника — есть инструмент, передающий нам восторги Его духа и биения Его сердца.

Вы, конечно, знаете эти впечатления, вы их любите, быть может, они составляют всю вашу религию; вы чувствовали глубокое волнение, наполняющее всё ваше существо, когда вечерние тени или безлюдный берег говорили с вами этим неведомым языком, воспетым лордом Байроном, когда, один среди лесов, вы слышали одновременно тысячу голосов и как бы вечную тишину; вы ощущали, как слёзы поднимались из сердца к глазам, когда, держа руку друга в своей руке, вы молча созерцали далёкие горы в последних отблесках дня. Перед лицом этих великих картин вы, может быть, испытали удивительное сочетание радости, которая убивает, боли, которая оживляет, ужаса, близкого к поклонению. Так вот, скажите себе, что, быть может, эта радость, эта боль, эта бесконечность, которая рождается в вас и может быть выражена лишь одним словом — excelsior! («выше!», «ввысь!»), — обязана самому присутствию Бога, которого не признало ваше сомнение; и постарайтесь измерить по силе этих эмоций, какими должны быть ваши чувства к Нему, если бы вы действительно стояли лицом к лицу с Ним.

Искренне проводя эти опыты, вы придёте к выводу, что, если Бог существует, ни наука, ни искусство не имеют законности иначе, как при условии непрестанного признания Его началом и концом, непрестанного возведения к Нему произведений гения, источником которого Он Сам является. Что, вне этого, наука и искусство — это идолопоклоннические культы, фетиши, которые, развращая суждение, ведут к смерти, а не к жизни, и заставляют совершать самую роковую ошибку — величайшую из несправедливостей. Не забудем ли мы, что, допуская возможность существования Бога, мы тем самым признаём, что живём в Его храме и что, подобно неблагодарным сыновьям, которых милосердие Отца лишь терпит в домашнем очаге, мы пользуемся, богохульствуя, благами, которые щедрая рука дала нам с благословением? Или не допускайте возможность существования Бога, или признайте, что вышеописанное положение — возможно, ваше. Или Бога нет, или Он есть всё: вот дилемма, и мы увидим, как серьёзность её последствий станет ещё более тяжёлой, когда от точки зрения истины и красоты мы перейдём к точке зрения добра.

Первый факт: если Бог существует, так как по определению Он — абсолютная святость, моральное зло есть реальность. То, что вне веры в Бога добро и моральное зло могли считаться иллюзиями, что дух материалистической системы или утилитаризм видел в них лишь выражение двух тенденций, регулирующих неким механическим образом социальное равновесие, — ничто не может быть печальнее логичнее. Но, с другой стороны, ничто лучше не доказывает неразрывную связь этих двух идей, чем одновременный отказ от Бога как Бога и от зла как зла.

Второй факт: каждый человек делает или делал зло; каждый может спросить себя об этом и ответить себе; и этот факт независим от спекулятивного представления о самом зле, будь он материалист, спиритуалист или христианин. Однако, если этот пункт пользуется всеобщим согласием, как немногие оценивают его значение и вес! Несомненно, признают, что человек не совершенен, но признают ли, что он — грешник? Мир крайне казуистичен и слишком забывает — он, который осуждает иезуитов, — что Паскаль написал «Провинциальные письма» именем христианской морали, а не морали мира. В них признаются три морали: одна — для святых, другая — для честных людей, и третья — для преступников, которые делят со святыми честь быть судимыми без милосердия.

Мораль честных людей, как всякий средний элемент, естественно, имеет наибольшее число приверженцев. Несомненно, добродетель вписана в заголовок этого кодекса. Однако, лишь бы не переходили определённых «разумных» границ и достаточно умело рассчитывали, чтобы не быть повешенными, позволено давать ложные свидетельства, клеветать на ближнего, высмеивать самые святые добродетели, жертвовать душами ради удовлетворения грубых вожделений, давать своим детям наставниками — под предлогом удовольствий и развлечений — пророков непристойности и прелюбодеяния и богохульствовать прямо у семейного очага. Несомненно, всему этому дают другие названия, но именно в этом и состоит зло; эти безрассудства не обсуждают хладнокровно, но ядовитые семена прорастают и приносят плоды.

В этой отравленной атмосфере человек становится нечувствительным к уколам греха, который не перестаёт существовать; дыша ею слишком долго, он перестаёт ощущать её зловоние. Мир признаёт и осуждает уже не абсолютную ценность зла, а только различия зла. Чтобы возмутиться, ему нужны то, что он называет преступлениями, не замечая, что эти преступления, которые он измеряет, беря себя самого за отправную точку, — лишь первые разности величин, которые он сам воплощает, и что если бы математически выразить нравственную ценность индивидов, существовал бы первый общий член, который никто не принимает в расчёт, потому что он есть у всех. Иными словами, мораль, признанная в мире, чисто относительна, потому что человек, вместо того чтобы подчинить свою природу морали, подчинил мораль своей природе. Идея Бога имеет следствие — сдвинуть ноль на шкале, оценить в абсолютных единицах расстояние, отделяющее человека от святости, и заставить его понять, что по самому определению зло, будучи чуждо природе Бога, который есть Существо совершенное, создаёт разрыв, несовместимость между ним и Богом.

Чувство этого разлада настолько укоренено в нашей душе, а святость настолько далека нашей природе, что само слово раздражает нас; всегда настороже, мы заранее восстаём против ига, кажущегося несоразмерным, которое более мудрая рука хотела бы возложить на наши плечи. Тем не менее, нужно иметь мужество противодействовать этому чувству, не имеющему ничего научного, и, глядя в лицо истине, хладнокровно сравнить нищету нашего нравственного состояния с совершенной святостью, которую не задевает никакая скверна и чей непрерывный добрый труд — естественная атмосфера.

Это парадокс — утверждать, что, поскольку человек — существо конечное и ограниченное во всех отношениях, нельзя требовать от него совершенной святости. То, что ограничено в человеке, — это его способность действовать, размах и число его поступков; но ничто в мире не даёт ему права совершать хоть один дурной поступок. Если он может сделать мало, то пусть это малое будет добрым. Маленькое зеркало может отразить целый образ солнца; чтобы это произошло, не нужно увеличивать его размеры — достаточно отполировать его поверхность. К чувству виновности неразрывно присоединено чувство осуждения, потому что за образом святости Бога стоит образ Его правосудия.

Оскорбление — это несправедливость; оскорбляют кого-либо, когда покушаются на его права, а наказание есть законная реакция оскорблённого против оскорбителя. Итак, Бог, будучи Творцом мира и совершенно святым, всякий грех, совершённый Его творениями, есть несправедливость по отношению к Нему, ибо это — оскорбление Его святости. Если Бог существует, этот грех, следовательно, есть посягательство на права Личности столь же справедливой, сколь и могущественной; думают ли, что это посягательство — будь то тяжкое преступление или лёгкое нарушение закона — вопреки всеобщему закону Вселенной не вызовет равной и противоположной реакции, и что будет позволено безнаказанно осквернять дело, в которое Бог вложил Свою силу, Свой разум и Свою любовь?

Для этого потребовалось бы, чтобы Бог мог заключить союз со злом, чтобы могло существовать общение между светом и тьмой, между нетленностью и тлением, то есть, чтобы Бог не был ни святым, ни справедливым; но этого не будет, ибо это противоречит определению. Пусть содрогнётся Вселенная, если Бог существует — ни одна йота нравственного закона не останется без санкции; никто из нас, будьте уверены, не выйдет отсюда, не заплатив до последнего гроша, и, следовательно, так как мы все виновны, если Бог существует, мы не можем предстать перед Ним иначе как под двойным унижением, которое подобает виновным и осуждённым. Нет ничего ужаснее этого; нет ничего истиннее.

Эти слова, быть может, возмущают и кажутся несоразмерными; но пусть вопрос будет поставлен иначе: пусть каждый, искренне обратившись внутрь себя, спросит, достоин ли он Бога, — и он признает всю справедливость вывода. В наших отношениях с другими людьми мы прекрасно чувствуем несовместимость некоторых нравственных состояний; нас возмущает, например, мысль, что сын, опозоривший имя своего отца, придёт к нему в дом и потребует за семейным столом прав, равных правам других детей; или мысль о союзе развратного человека и целомудренной чистой девушки; мы бы не захотели даже, с нашей собственной точки зрения, поддерживать знакомство с учёным или художником, сколь бы велик он ни был, если бы недостойность его поведения позорила его науку или искусство. Так пусть же каждый человек, стоя перед Богом, исследует своё сердце и поищет, не проходила ли ненависть во всех её формах через него, нет ли какой-либо мерзости, которая, если не в действии, то хотя бы в состоянии самодовольной мысли, не осквернила его испорченную природу.

Если многие, проводя этот самоанализ искренне, почувствуют себя недостойными знаков нежности существ, менее запятнанных, чем они сами, и будут бояться омрачить своим прикосновением чистоту, которая их осуждает, — какими же чувствами стыда и недостоинства должны они исполниться, приближаясь к этой святой личности, чья невыразимая красота никогда не была омрачена прикосновением зла, и какой ответ они должны будут дать на вопрос: достойны ли мы Бога? Если они хорошо поняли расстояние, отделяющее их от святости, их ответом будет крик отчаяния: «Отойди от меня, ибо я человек грешный!» (Лук.5:8).

Сравнение между нашим состоянием греха и святостью имеет одновременно следствие: оно заставляет нас оценить абсолютный характер Божьей справедливости и исправляет, преобразуя, наши собственные представления о справедливости. Если из всех чувств именно чувство справедливости имеет в сердце человека самые глубокие корни, если ни одно не вызывает в нём более сильного возмущения, когда оно попрано, то нет чувства, которое, по самой своей силе, было бы опаснее, если им пользуется ошибка, а не истина. Тогда оно становится узаконенной несправедливостью. Так обстоит дело у большинства людей в вопросе их отношений с Богом. Они живут по отношению к Нему в невыносимом состоянии эгоизма. Они без труда признают, что должны что-то своим ближним, но когда речь заходит о Божественной личности, всё наоборот: Бог нам должен всё, а мы Ему ничего не должны. Бог дал нам жизнь и средства её поддерживать, но мы находим её мало

приятной и, не ища причины, считаем, что самое малое — не возмущаться. Несчастье давит на нас — мы обвиняем Его Провидение.

Требовать справедливости от Бога — вот что естественно для природного человека; его совесть, говорит он, возмущается: разве он просил жить? Всё это — результат несовершенного знания этим человеком самого себя. Мы охотно согласимся, что, действительно, если бы человек был совершенен и никогда не нарушал Божьего закона, жизнь, как она ему устроена, показалась бы вопиющей несправедливостью. Но очевидно, и все это понимали до нас, что дело обстоит далеко не так, и что прежде чем требовать от Бога уплаты Его долгов перед нами, справедливо, по крайней мере, если бы это было возможно, чтобы мы уплатили наши долги перед Ним; а это уже занятие, которое могло бы заполнить всю жизнь. Многие заменяют бунт на смирение, близкое к дурному настроению, что есть другой способ не признавать своих ошибок. «Далеко от того, — говорят они, — чтобы ставить под сомнение доброту и справедливость Бога, лишь одно доверие к Нему заставляет нас смиренно принимать жизнь, потому что мы уверены, что справедливость восторжествует позже».

Но если справедливость должна быть совершена, то нужно также молить Бога, чтобы Он не пощадил нас ни в каком наказании за наши проступки. Ведь если справедливо вознаградить нас за зло, которое мы страдаем несправедливо, то справедливо и наказать нас за зло, которое мы совершаем несправедливо. Кто же осмелится просить справедливости? Измерьте сумму мерзостей, совершаемых в мире: вы убиваете своего брата — и осмеливаетесь просить справедливости! Вы разоряете своё тело развратом — и просите справедливости! Вы лжёте, вы эгоистичны, неблагодарны, безразличны к чужим страданиям — и просите справедливости!

Наконец, если ваши преступления не довели вас так низко, вы отдаёте всю свою привязанность несовершенным и грешным созданиям и уделяете лишь жалкую долю своей жизни тому Богу, который простирает к вам руки и умоляет вас любить Его, — отравляя, таким образом, своей несправедливостью даже свои самые законные привязанности, — и вы просите справедливости! И вы не понимаете, что справедливость — это то, чего вам больше всего следует бояться, и что не справедливости, а милости нужно взывать. Поставьте на место Бога земного отца — и эту справедливость, которую вы дерзаете требовать от Бога, вы не посмеете требовать ни от него, ни от людей, настолько вы будете бояться, что они её совершат.

Искренность в смирении, возникающем при виде нашего нравственного падения перед лицом святости и справедливости Бога, сама собой приводит нас к последней стороне Его Божественного характера — милосердию и любви. Мы чувствуем инстинктивно, что найдём там решение ужаснувших нас трудностей, и что благословенная заря рассеет нашу тьму. Но вместе с тем, если у нас есть хоть капля благородства сердца, мы ощущаем, что самое существование этого милосердия делает нас ещё более виновными, и сожаление о совершённом зле становится более острым и жгучим. Если Бог существует, серьёзность нашего нравственного положения возрастает пропорционально чудесной тонкости Его чувств к нам, Его доброте, состраданию, снисхождению к нашим проступкам, боли, которую они Ему причиняют, Его повторным призывам, всегда презираемым нами. Гретри сказал, что сердце матери — венец природы.

Где найти, действительно, больше благородства, самоотречения, крайней деликатности и покорности самым суровым необходимостям жизни, чем в любви матери к сыну? Так вот, эта любовь, этот шедевр, который превосходит все шедевры, — творение Бога, если Бог существует; но это ещё больше: это портрет Самого Бога, образ Его характера в аспекте добра. Но творение не может превзойти Творца, и так же как самые прекрасные шедевры

науки и искусства давали нам слишком слабое представление о Божественном разуме и чувстве, так и шедевр любви призван дать нам лишь отдалённое представление о Божественной любви. «Мать может оставить ребёнка, которого она носила, но наш Бог никогда нас не оставит». Какой человек, достойный этого имени, захотел бы даже слегка ранить сердце этого священного и неизреченно любимого существа, которого он называет матерью? Так пусть он измерит себя этой мерой, когда речь идёт о Боге.

Смирение духа перед силой и разумом Бога, смирение сердца, осознание греха перед Его святостью и справедливостью, желание святости, надежда и доверие перед Его милосердием и любовью — вот научно-экспериментальные условия, при которых человек должен искать своего Бога. Он должен действовать не как атеисты, которые ставят Бога бесконечно ниже себя, не как деисты, которые обращаются с Ним как с равным, но как христиане, которые ставят Его бесконечно выше себя, потому что они не ослеплены ни гордостью сердца, как первые, ни гордостью разума, как вторые.

Мы говорим, что эти условия научны, потому что в этом опыте, как и во всяком другом, они основаны на предполагаемых свойствах объекта исследования и на известных свойствах объекта, служащего инструментом исследования. От этого не уйти: если трижды святой Бог существует, моральное зло реально, человек виновен, и дух смирения и покаяния — необходимое и единственное условие, при котором он может подготовить себя к приближению к своему Владыке, Судье и Отцу. Когда человек упорно и всеми силами трудился, чтобы приобрести эти расположения, ему остаётся лишь ждать от Самого Бога проявления, которого он желает.

Бог, без сомнения, свободен, абсолютно свободен отвечать или не отвечать на наши молитвы. Но как мы могли бы сомневаться, что Он не ответит благосклонно душе, смущённой и искренне просящей света у Его всемогущества? Если это не дело чувства, пусть это будет делом рассуждения. Этот вывод так же просто вытекает из Божественного характера, как свойства тел — из их внутренней природы. Воздух давит на стенки сосуда, который его содержит, потому что он стремится к расширению; камень падает к земле, потому что та его притягивает; и Бог милует смиренных, потому что Он милосерден. Разве отец не проникся бы состраданием к сыну, который так желает познать его? Разве он не пришёл бы к нему? Поэтому можно сказать, что человек, который приложил бы все усилия, чтобы привести свою душу в вышеописанное состояние, уже любит Бога и вскоре почувствует себя способным молиться Ему.

Но он не достигнет опытной уверенности постепенными, едва заметными шагами. Если во время работы и борьбы подготовки к опыту он почувствует, что при каждой новой победе сопротивление его сомнений ослабевает, он всё же сможет таким образом накопить лишь вероятности. Уверенность, вера придут к нему — согласно свидетельству всех, кто искренне пытался это сделать — в определённый и совершенно узнаваемый момент, когда развитие вероятности как бы прервётся внешним и личным действием, «Да будет свет», относительно происхождения которого не может быть никаких сомнений и который обязан захвату души Самим Духом Божьим. Какова внутренняя природа впечатления, употребляемого Богом, чтобы показать нам Своё присутствие? Это вопрос для нас абсолютно неразрешимый; мы не можем определить, что происходит в переходе от сомнения к вере. Но эта неспособность — не недостаток; напротив, она поддерживает наш тезис. Это доказательство — факт; а есть только один способ доказать кому-либо факт: дать ему пережить его. Никакие описания не могут его заменить.

Предположим, например, что человек никогда не слышал игру на скрипке: невозможно было бы объяснить ему словами, какой у этого инструмента тембр; он должен услышать его. Точно так же слепой не узнал бы, что такое свет, даже если бы владел всей теорией оптики,

и так далее. Ну, так вот, то же самое с верой в Бога. Это — если можно так выразиться — характерное ощущение духа, факт, который, как факт, обладает всей возможной достоверностью. Одного взгляда на человека достаточно, чтобы мы были уверены в его существовании. Точно так же это видение Бога духом — факт, который делает нас абсолютно уверенными в Его существовании и один лишь способен породить эту уверенность. Теперь, был ли этот опыт предпринят? Да, был. Именно благодаря такому видению духа верил в Бога Ньютон, верили Паскаль, Лейбниц, Декарт, Ампер, верили и верят тысячи христиан. Ничто не может выразить эту улыбку Бога, которая отвечает душе, когда она искренне Его ищет.

Но если мы не можем сделать известным иначе как через Самого Него тот опытный факт, о котором мы говорим, мы всё же можем распознать его общий механизм. Этот факт не является чудом, то есть исключительным действием, задуманным Богом вслед за нашими молитвами и чьё случайное свойство стало бы своего рода санкцией наших прежних отрицаний или сомнений. Мы, без сомнения, говорили о личном действии Бога, но теперь ясно видим, благодаря подготовке к опыту, что, стремясь очистить нашу душу от гордости и духа бунта и признавая наш грех, мы лишь сняли нечистый покров, мешавший ей отражать образ Божий; что свет окружает нас и оживляет нас, как солнечный свет согревает и оживляет землю; и что нам остаётся лишь наклонить сердце к Нему, чтобы Его лучи разбились о нём и сосредоточили в очаге пламя новой жизни.

Иными словами, достаточно, чтобы мы, чтобы убедиться в Его существовании и получить доказательство через личный факт, освободили нашу душу от оков, которыми мы сами её связали, чтобы поработить; эту живую воду, которую мы желаем, нам не нужно искать в глубинах неблагодарной и ревнивой земли, которая её хранит и скрывает; напротив, нам достаточно разрушить плотину, воздвигнутую нашими пороками, чтобы Божественный океан сам покрыл эту иссохшую землю и проник её бесплодие. Таким образом, этот личный факт общения с нашим Богом постоянно предлагается нам Самим Богом, и нам нужно не столько просить, сколько смиренно принять то, что до сих пор могла отвергнуть лишь жестокость нашего сердца.

Познать Бога можно только живя в Боге, и уверенность в Его существовании становится очевидным следствием. «Это мистицизм», — скажут. Мы ответим: да, это мистицизм, если так называть результат опыта, применённого к изучению души, и никто не имеет права отрицать опыт, которого сам не совершил. «Но всё же, — скажут, — это мнимое действие Духа Божия на ваш дух есть лишь плод воображения; как осмеливаетесь вы принимать за истину то, что, быть может, есть лишь иллюзия ума?» Но это возражение основывается на постулате: что нет разницы между результатом воображения и внешним по отношению к нам и действующим на нас прямым действием; или же между актом, совершаемым нами самими, и актом, совершаемым Богом. Это, очевидно, иррационально, ибо причины разной природы и порядка дают также разные эффекты.

Если Бога нет, всё, что можно получить, будет плодом воображения; но если Бог есть, будет получен характерный факт, о котором продукты воображения не могут дать понятия. Это будет факт абсолютно новый, поскольку открытый объект будет абсолютно новым. Столь же разумно было бы утверждать a priori, что невозможно открыть новое тело, на том основании, что оно даст те же реакции, что и известное. Впрочем, при любом раскладе и если довести скептицизм до конца, возможны две вещи: действие, совершаемое Богом, будет той же природы, что и плод воображения, — и тогда метод порочен; или оно будет иным и потому распознаваемым, — и тогда метод хорош. Следовательно, в любом случае следует попытаться. Я говорю неверующему человеку: я пытался проверить существование Бога, и в то время как я готовил свой дух к этому великому опыту, во мне произошло нечто необъяснимое, невыразимое, что убедило меня в этом существовании. Бог открылся мне.

Вот для меня — факт. А вы, не испытавшие того же, отвечаете, что это — иллюзия. Но вы не способны доказать мне истинность своего утверждения, а я могу доказать своё, если вы согласитесь пройти тем же путём, что и я.

Это зависит от вас; так разумно ли вам отказываться? Ваша ошибка в том, что вы хотите составить себе представление о том, что я испытал, не испытав этого сами; а это вам так же невозможно, как тому, кто никогда не слышал скрипку, составить верное представление о её звуке, или как слепому — вообразить свет. Я даю вам возможность услышать звук инструмента, я хочу, чтобы с ваших глаз спали чешуйки, а вы отказываетесь! И всё же, если бы вы слушали и видели, вы бы верили, как я, в звук и свет. Вы, возможно, скажете, что недостаточно того, чтобы какой-либо факт был возможен, чтобы он заслуживал изучения, и что из нескольких гипотез, весьма неравных по вероятности, следует выбирать для предмета своего исследования ту, которая, по нашему убеждению, превосходит остальные по вероятности.

Мы не будем здесь обсуждать вопрос о том, не является ли среди этих гипотез гипотеза существования Бога действительно самой вероятной; это значило бы выйти за рамки линии, которую мы себе наметили. Мы лишь заметим, что вероятность — не единственный фактор, который должен служить мерой интереса к какой-либо вещи. При равенстве вероятности две вещи могут быть весьма различными по важности для определённого предмета или существа. Например, вероятность того, что гора содержит слои очень твёрдой породы, будет оценена одинаково геологом и инженером — на основании распределения смежных слоёв; но как различна будет важность этого факта для этих двух людей, если инженер должен прорубить туннель через гору! Вероятность имеет лишь умственный интерес, тогда как важность непосредственно связана с личностью индивида и обстоятельствами, в которых он находится. Следовательно, интерес, который следует придавать возможному событию, и, как следствие, поведение, которое следует избрать в случае такого события, измеряется не только его вероятностью, но произведением этой вероятности и важности события. Первый фактор независим от индивида, второй же является, по существу, функцией от него.

Таким образом, сколь бы мала ни была вероятность какого-либо события, его интерес для нас может быть огромен. И в каком вопросе эта мысль утверждается с большей силой, чем в вопросе о нашем положении по отношению к живому Богу? Открыт путь, ведущий к достоверности, — это путь опыта. Поэтому непростительно не попытаться пройти им; и будь то под воздействием бескорыстного побуждения любви и справедливости или под воздействием более низкого, но не менее основательного побуждения страха, чрезвычайно важно предпринять этот опыт. Нет иной реальности, которая в большей мере касалась бы человека, чем эта; именно поэтому, несмотря на малую вероятность, которую ей склонны приписывать, интерес, который она представляет, перевешивает всё и определяет применение жизни.

С глубокой убеждённостью мы предлагаем это применение научного метода к решению религиозного вопроса. Нам кажется невозможным, чтобы серьёзный и строго научный ум не был поражён той лакуной, которая существует в философии по этому поводу. Философия, вместо того чтобы презрительно отвергать под именем мистицизма опыты, совершаемые над душой, в конце концов признает, что этот мистицизм — лишь строгое применение того же метода, которым учёные пользуются с таким успехом при изучении физического мира. Нужно наблюдать душу и нужно ставить над ней опыты: это пассивное и активное в человеческой жизни. Опыт над душой приводит в действие всего человека, и изучение духовного мира и материального мира таким образом заключено в одной научной формуле, единственной, способной произвести достоверность, потому что только она ведёт к фактам: наблюдение и опыт.

Значит ли это, что опыт, чтобы быть возможным, должен быть лёгким? Конечно, нет; но он труден только по причине природной слабости души, и почему бы не пожелать внести героизм в свою жизнь? Конечно, мучительно разрывать с принципами, которые защищал всю карьеру труда — своим словом и своими книгами, — добровольно компрометировать выдающееся положение, которое создаёт нам многочисленный круг почитателей и учеников; труднее всего — найти в себе достаточно нравственной смелости и независимости духа, чтобы бросить вызов мнению и понести позор истины. Когда человек оставляет идеи, приятные миру, потому что считает их ложными, в глазах этого мира от него остаётся лишь поражение и падение. Напротив, в глазах истинных друзей истины он одержал героическую победу над самим собой и совершил поступок характера более великого, чем все теории, изобретённые его умом.

Тот, кто хочет приблизиться к Богу и познать Его, должен, прежде всего, научиться жить лицом к лицу с истиной, как если бы он был один на один с нею. Эта истина научит его одерживать победы, трудные только потому, что они задействуют глубочайшие качества сердца, наиболее ненавистные миру. Она научит его, что если поиск Бога встречает столь сильное противодействие, то исключительно потому, что он требует от человека действия на собственный характер, а гордость и ложный стыд запрещают ему предпринять его. Пока речь идёт лишь об умственном упражнении, скажет она ему, каждый готов его осуществить; всякое открытие, сделанное в этой области, встречается нами и другими благосклонно, и уважение к нам от этого только возрастает.

Но как иначе всё обстоит, когда речь идёт о том, чтобы со смирением признать, что справедливо преклониться перед Богом, когда приходится не учить других, а просить, чтобы научили самого себя, когда нужно провозгласить перед всеми, что желаешь познать Бога, чтобы поклоняться Ему как Отцу и подчинить Ему всю свою жизнь. Был горд — и нужно стать смиренным сердцем; считал человеческий разум способным открыть всю истину, необходимую человеку, — и нужно признать, что этот разум сам ограничен и есть истины, которые его превосходят. И недостаточно сказать это как результат рассуждения: нужно мыслить и чувствовать это внутренне абсолютно бескорыстно и искренне.

Ну так вот, всё это честный человек может и должен сделать. На первый взгляд он, быть может, возмутится тому, чего от него требуют, но когда этот протест, который есть дело одного лишь чувства и который вовсе не научен, уступит место холодному рассмотрению разума, он не сможет не признать не только того, что у него нет никакой причины не попытаться предпринять предлагаемый опыт, но и того, что ему чрезвычайно важно осуществить его. Если он искренне любит то, что справедливо, добро и прекрасно, он должен будет горячо желать существования совершенного Существа, чья сущность воплощает все следствия этих качеств. И если, перед лицом несовершенства всех вещей мира, он искренне ищет достижения совершенства, имея тем более низкое мнение о себе, чем выше это совершенство представится ему в образе, он выполнит необходимые условия, чтобы приблизиться к Богу, и Бог придёт к нему, и Его присутствие убедит его в Его существовании.

Ещё одно слово. Речь шла только что о людях, на которых соображения человеческого уважения оказывают значительное влияние. Можно думать, что другие, не имея для руководства и поддержки присутствия высшей реальности, всё же не склонятся коленом перед этим могущественным идолом мира. Если они чужды всяких положительных религиозных убеждений, у них есть такие, которые — как ослабленный след тех прежних — и их чувства, подобные отражениям скрытой лампы, выдают в их сердце пламя, которое их ум не признаёт. По благословенному противоречию, они воплощают на деле следствия, которые могут вытекать только из принципов, ими отвергнутых. Среди них, быть может, следует искать тех, кто не знает, когда они увидели Господа, и которых Он всё же принимает

в Царство Небесное, говоря им: «Так как вы сделали добро одному из малых сих, то сделали это Мне Самому». Они почти христиане в том, что касается любви к ближнему, но они не знают и не ищут Бога как Бога, и, следовательно, пренебрегают первой из всех обязанностей — любить Его всем сердцем, всей душой и всем разумением.

Эти люди питают глубокую любовь к части истины; они посвятили её служению жизнь строгую и серьёзную; потерянные в недрах природы, чудеса которой они терпеливо изучают, они находят в этом изучении непрерывный источник чистых наслаждений. Они не знают, что с ними станет после смерти, но не боятся: в глубине их духа есть странное доверие к универсальному порядку, частью которого они себя считают; верные исполнители долга, они испытывают стоическую радость трудиться без надежды на грядущее блаженство, исключительно ради блага братьев и человечества. В этих жизнях может быть величие; но, в конечном счёте, в них больше величия, чем истины. Их наука оптимистична только потому, что она вся внешняя; они блуждают глазами по своду небес, но никогда не взглянули на бесконечность, которая внутри них, и их наибольшая ошибка — быть столь же довольными собой, сколь и вселенной.

Так вот, одному из этих людей достаточно было бы пожелать продолжить свои исследования по тому же методу, чтобы оказаться на пути, ведущем к Богу. Сохранив эту благородную склонность к благу своих братьев и это святое доверие, которое выделилось, как аромат, из учёбы, составляющей очарование его жизни, пусть он сумеет отвлечься от чисто умственных гипотез, которыми он пытается объяснить вселенную, и признать, что это действительно лишь гипотезы. Пусть скажет себе, что, быть может, этот великий целый, к которому обращается его разум, не есть бессознательное выражение какой-то сущности, не ведающей самой себя, но что, по ту сторону сфер, которые пересекает его мысль, и совсем близко к его душе, Личный Творец замышляет и осуществляет то, что он сам едва понимает, не имея силы осуществить ни одной части этого.

При свете этого сомнения пусть он найдёт в себе мужество выйти из самого себя, бросить на своё сердце геометрический взгляд, которым измеряют вселенную; научную совесть признать, что если существует справедливость, святость, бесконечная любовь, чьи законы, запечатлённые в его душе, велят ему ничуть не меньше, чем быть справедливым, святым и добрым, то он многократно нарушал эти законы, вызывая осуждение Судьи и огорчая Дух Отца.

Если такой человек найдёт в себе мужество обнаружить эту открытую рану, героизм — перенести её жгучую боль и, устремив глаза к небу, с терпением ожидать божественного бальзама, который должен облегчить её страдания, если он согласится предпринять этот опыт не только разумом, но и сердцем, то есть всем своим существом, — он выйдет из него убеждённым в существовании Бога, потому что Бог откроется ему. И когда его спросят: «Это рассуждение или наука привели тебя сюда?» — он ответит: «Это не рассуждение и не наука; оба могли бы, пожалуй, скрыть от меня эту истину навсегда; это — факт, который поразил меня, факт, невыразимый никакими словами ни на одном языке; но это — факт, и с этой минуты моя уверенность абсолютна».

И наконец, если позднее он испытает невыразимое счастье почувствовать себя прощённым и возрождённым Духом Бога Спасителя, он не утратит своего стоицизма по отношению к вещам мира, но почувствует, как он очищается и становится столь же радостным, сколь прежде был смиренным. Он будет продолжать трудиться для братьев с совершенно бескорыстным чувством; но он будет трудиться лучше, потому что у него появится более благородный мотив; в грешных, но бессмертных созданиях, которым он посвятит свои усилия, он будет неустанно искать образ Того, Кто не имеет конца и Чей божественный характер не изменяет Себе; у него будет непоколебимая опора, утешение будет

сопровождать каждую боль, которую он перенесёт ради святого дела истины, и мимолётный труд настоящего будет озарён вечной, вечно молодой зарёй будущего.

Но никто не познает этого живого Бога, не сокрушив в своём сердце плотину, которую грех воздвиг против божественного потока; дух Иисуса Христа, то есть покаяние и нужда в прощении, — это рычаг, который должен поднять препятствие; никто не приходит к Отцу иначе как через Него. Принять этот дух, щедро предлагаемый всем, — необходимое условие опыта; человек должен стать смиренным сердцем, прежде чем познать Бога; но если он станет таковым — а он может стать, — он познает с научной очевидностью, то есть с очевидностью факта, что Бог есть.

Глава III

Когда с помощью строгого применения экспериментального метода человек пришёл к познанию Бога и к познанию самого себя, он лишь открыл одну сцену драмы; ему необходимо узнать её исход. Он ещё не нашёл покоя души — перед ним стоит ещё более серьёзная задача для решения. Точно так же, как философы всех времён пытались доказать существование или несуществование своих ложных богов, основываясь на индукциях, так же они пытались заранее определить историю человеческой судьбы. Но так как их посылки были основаны именно на тех свойствах, которые они приписывали этим сомнительным ложным богам, их выводы все заражены неопределённостью, присущей духу систем. Достаточно их сравнить, чтобы понять, какое доверие они заслуживают.

Одни, даруя душе бессмертие, позволяют ей всё более приближаться к Богу, не входя никогда с Ним в действительное соединение, вечно оставаясь разделённой между добром и злом; другие стараются уверить её, что она — жертва существа, которое ради достижения неизвестной цели постоянно обманывает её и манит её приманкой воображаемого счастья; другие же, и это сегодня самое большое число, учат её извлекать из жизни наилучшую возможную пользу, отбрасывать беспредельные стремления, которые её мучают, успокаивать себя относительно угрызений совести и твёрдо говорить себе, что смерть тела — это и её смерть.

Научное, экспериментальное познание Бога, вводя во владение фактом, через который должны пройти все системы, если они истинны, даёт критерий для оценки их внутренней ценности и для их устранения. Этот факт — существование морального зла и разрыва, той абсолютной несовместимости, которую оно устанавливает между характером человека и характером Бога; это также познание страдания, которое это зло порождает и поддерживает в душе и в теле, и, следовательно, уверенность в том, что примирение человека с Богом и уничтожение этого страдания будут строго невозможны, пока само зло не будет уничтожено.

Абсолютный характер этого несоответствия, отметим хорошо, не зависит от количества зла, которое заключает в себе каждый человек; он существует независимо от этой величины. Мы имеем здесь дело с истиной, строгость которой совершенно сопоставима со строгостью математических истин. Все конечные величины, какого бы порядка они ни были, большие или малые, равны по отношению к бесконечности; и подобно этому души, осквернённые злом, будь оно больше или меньше, находятся, по отношению к Бесконечно Совершенному Существу, в Котором нет никакого зла, в общем состоянии, которое устраняет между ними различия второго порядка. «Все согрешили и лишены всякой славы перед Богом» (Рим.3:23).

Этот важнейший факт, скажем прямо, является ключом и дорогой христианства. Он одновременно показывает коварство систем, которые пытаются вывести из нынешнего

состояния человека достаточные основания, чтобы успокоить его относительно его судьбы, и истину тех, которые, далеко не убаюкивая его совесть, пробуждают её от оцепенения и мужественно указывают на опасность. Он также делит людей, смотря по тому, к какому из этих типов систем они примыкают, на две совершенно разные категории: тех, кого легко удовлетворяет их состояние несовершенства и нравственного падения и кто предпочитает тьму свету; и тех, кого потребность в святости и совершенстве преследует и терзает без устали и кого повергает в отчаяние невозможность поставить свою силу на уровень своих стремлений. Этот же факт сразу же объясняет происхождение и смысл несчастья человека; ибо счастье неотделимо от совершенной святости, которая в Боге, — это несчастье есть одновременно доказательство и мера разделения между человеком и Богом.

Зло, следовательно, в плане отношений между Богом и человеком — не просто нарушение приличий, как утверждают ложные философии; оно создаёт между этими двумя существами глубокую и реальную несовместимость. Каждый раз, когда человек хочет приблизиться к этому святому Богу, каждый раз, когда он хочет вступить в отношения с этой безупречной личностью, чью абсолютную чистоту ничто не может помрачить, он чувствует, что, даже если бы осмелился, зло, которое есть в нём, сделало бы этот союз не просто неподобающим, но невозможным. Именно этот абсолютный характер несогласия между состоянием человека и божественной природой может быть понят лишь через опытное познание Бога. Моральное зло человеческого характера явится совершенно иначе, если мы осветим этот характер тусклым и блеклым сиянием собственного света или если мы выявим его неровности и тени, проникая в его самые скрытые глубины беспощадным и испытующим светом Бога.

И что же, по сути, значит освещать свою душу светом Бога? Это значит стараться жить с Ним, под Его взором и под Его законом, когда опыт открыл нам Его; значит, на практическом уровне, пытаться не совершить ни одного поступка, не допустить ни одной мысли, которая не была бы Ему угодна и достойна образца, который мы видим в Нём. Кто не испытывал уже того, чему может научить нас о самих себе соприкосновение с чужим характером? Это не просто мера, которой мы пользуемся после, чтобы оценить собственные размеры; мера и сравнение происходят сами собой через самое соприкосновение и придают нашей самооценке ту ноту искренности и истины, которую никогда не могла бы ей сообщить внешняя сопоставительная оценка, если бы мы знали образец лишь по описанию.

Это и происходит с философами; поэтому им не особенно тяжело сказать, что человек несовершенен, а Бог совершенен; если всё не идеально, им всё же кажется, что всё к лучшему. Деист, который не почувствовал в себе ни греха, ни покаяния, в конце концов приходит к убеждению, что несовершенство — это в конечном счёте нормальное состояние человека; что похвально делать некоторые усилия, чтобы его исправить, и что Бог, Который благ, вознаградит эти усилия и не побрезгует заключить союз на равных с порядочными людьми. Несовершенство деиста не является мучением его жизни, потому что Тот, Кто должен его судить, по его представлению, тоже не вполне совершенен. Точно так же, как он легко прощает себе ошибку и склонен забыть её на следующий день, деист, создавший своего Бога по своему образу, считает справедливость этого Бога способной мириться с несправедливостью, а Его святость — с развращённостью. Опыт же, напротив, превращает все эти относительные точки зрения в абсолютные. Нет предела тонкости и чувствительности души, которая таким образом познала Бога. Малейшее нарушение закона, малейшее оскорбление, совершённое ею самой или другими душами по отношению к Тому, Кто требует больше, чем уважения — поклонения и любви, — ранит её, как малейшее прикосновение ранит открытую и кровоточащую рану.

Всем нашим отношениям с конечными существами, с тварями, соответствуют впечатления столь же относительные; личное и опытное познание Бога, напротив, даёт понять, что

существует абсолютное не только в материальном порядке, но и в духовном; устройство первого из этих двух миров открывает человеку, который подвергает себя опыту, характер, согласный с характером второго, — необходимость и неумолимость законов.

Один лишь совершённый грех изменяет весь порядок и все самые отдалённые последствия нравственной вселенной, так же как любое отклонение масс материальной вселенной изменяет до конца времени и пространства состояние этой вселенной. Связанный с этими двумя мирами своей душой и своим телом, каждый из нас представляет собой свободную возмущающую силу, которая, в пределах действия, ограниченных мудростью и знанием Бога, может по своему усмотрению изменять состояние каждого из них. Одной лишь нашей мысли достаточно, чтобы изменить нравственное направление тысяч существ; наши действия зависят от наших мыслей, и одно лишь движение, составляющее часть этих действий, сдвигает все звёзды на небе. Следовательно, математически достоверно, что в окончательном результате творения полностью сохранятся, со всеми движениями нашего тела, все побуждения нашей души — до последнего и самого, казалось бы, незначительного. Они понесут с собой в вечность свои последствия.

Мир, который судит зло по его последствиям гораздо больше, чем по самому злу, полагает, что зло — это вопрос количества; здесь же речь идёт о вопросе качества. Математики не смешают эти понятия: они прекрасно знают, что теоретическое, то есть абсолютное решение задачи совершенно не зависит от величины величин, которые в ней участвуют. В уравнениях возмущённого движения планет, например, член, происходящий от существования возмущающей планеты, очень мал, но малость этого члена никак не влияет на природу кривой, описываемой возмущаемой планетой. Эта кривая не становится более эллиптической, если член мал, чем если он велик, и трудность решения уравнений абсолютно независима от величины этого члена. Геометр пользуется тем, что он очень мал, чтобы решить задачу приближённо; мир, подобным же образом, пренебрегает малыми отклонениями от закона и делает приближения в морали; но Бог не делает приближений ни в геометрии, ни в морали.

Планета, сколь бы мало она ни была отклонена от направления к солнцу, падая первоначально к нему, никогда не соединится с ним, но будет вечно вращаться вокруг него, не достигая его, и расстояние, которое её отделяет, будет тем больше, чем сильнее было отклонение. Это — образ вечного и непоправимого разделения, которое малейшее отклонение от закона устанавливает между человеком и Богом; и этот новый порядок сам существует лишь в силу закона. «Всё создано, чтобы соответствовать друг другу, и даже нечестивый — для дня бедствия» (Притчи 16:4).

В этой ужасной ситуации человек ищет средство её исправить, и это исправление должно заключаться в том, чтобы стереть совершённый грех и его последствия. Но и здесь — даже если бы жизненный опыт сам по себе не был достаточен, чтобы доказать ему, что его усилия совершенно тщетны; даже если бы он не заметил, что ему невозможно вырвать и уничтожить в душе своих братьев те плодотворные семена греха, которые посеял там один лишь злой порыв его сердца, семена, которые позднее проявятся в поступках, а эти поступки, в свою очередь, породят злые мысли и действия, — его совесть, просвещённая Духом Божиим, дала бы ему понять, что это исправление невозможно: что не существует никаких «сверхдолжных» (избыточных) дел; что, будучи созданным для того, чтобы в каждый момент совершать всё то добро, на которое только способна его природа, он всего лишь выполнял бы свой разумный долг, если бы отныне и до вечности больше не согрешил; что совершённое зло и все его последствия остаются записанными за ним как долг, который он может ещё увеличить, но ни малейшей его части не может погасить — одним словом, что он может быть должником Бога, но никак не его кредитором.

И в самом деле, этот долг всё возрастает, бездна всё расширяется, земля рушится под нашими ногами; увлекаемые, словно в бесконечной спирали, непреодолимой и растущей тяжестью наших грехов, мы опускаемся всё ниже и быстрее во тьму, с отчаянием глядя вверх, на небо, откуда падаем и которое от нас ускользает.

Мир не верит в то, что его падение непоправимо; но человек, который на собственном опыте познал, что Бог — это огонь поядающий, знает этой трагической опытностью, что он погиб, безвозвратно погиб. И то, что убеждает его в реальности этой погибели, — это то, что, вопреки себе, он находит её справедливой. Отмена его наказания, о которой он вздыхает всеми силами своего существа, показалась бы ему диссонансом в этой нравственной геометрии, достойной могущества и правосудия Бога, — этого могущества, которое становится на службу справедливости, чтобы защищать права святости. Следовательно, такая отмена — вещь невозможная ни самим человеком, ни его братьями-людьми, которые все грешники и осуждены, как и он; ни всеми вместе взятыми усилиями сотворённых существ — даже тех, которые бы не согрешили и чей разумный долг состоял бы просто в том, чтобы не грешить.

Кто же, если не Сам Бог, мог бы преобразить существующий порядок вещей — и притом не нанеся ущерба Своей святости и правосудию? Кто, кроме Творца, был бы способен создать новый порядок вещей — не для того чтобы отменить существующий, но чтобы превзойти и победить его? Ибо для спасения справедливо осуждённого грешника потребовалось бы не меньше, чем новое творение, то есть новый акт, совершённый Творцом; не меньше, чем действие, внешнее и независимое от нас, чтобы восполнить новой энергией ту потерю энергии, которую внёс в мир грех. Это — математически неизбежно. Быть спасённым — значит избежать роковых последствий нового порядка, внесённого в материальную и духовную вселенную грехом, который мы совершили. Следовательно, нам абсолютно, математически необходимо быть спасёнными, и для этого нам нужен Спаситель. До этой крайней точки, до этого последнего вывода научный экспериментальный поиск способен привести человека, который искал Бога через Самого Бога и искал самого себя искренне.

Если кто-то, не ощущая в себе реальности этих величественных и страшных предметов, отрицал бы ценность этого свидетельства, мы напомним ему, что, далеко не желая кому-либо доказывать их реальность логическими доводами, мы, напротив, поощряем его скептицизм в этом вопросе и вынуждаем его сомневаться в том, что их нет. Отказать нам в этом скептик мог бы лишь ценой того, чтобы самому пасть в догматизм и утверждение, которых он боится. Затем мы показываем ему путь, по которому он может удостовериться опытом в их реальности или нереальности, и говорим ему, что он откроет, как мы, идущие этим путём, это открыли. Мы говорим ему, что он впервые поймёт святость Бога, свой собственный грех и своё осуждение — то есть реальность и значение этих вещей, которые он прежде знал только по неверному зеркалу своего воображения, но которые ему никогда ещё не открывал личный опыт.

Человек, который найдёт в себе мужество и разум поставить себя на опыт, может, таким образом, научным путём прийти к знанию с уверенностью — о бесконечной святости Бога и о бесконечной и справедливой бедственности своего положения.

Предположим теперь, что к человеку в таком положении я подойду и скажу:
— Брат мой, я прошёл через ту мучительную опытность, которую вы переживаете сегодня; как вы, я дрожал под тяжестью своих грехов; как вы, я чувствовал, как правосудие моего Бога давит на мою душу и ломает мои кости; как вы, я видел, как страшный свет проливается на мой вечный путь и открывает мне печаль моего будущего; как вы, наконец, я ощущал, как пространство становится пустым вокруг меня, и моя иссохшая душа взывала и взывала каждый день к живой воде, которой она более не была достойна. Но воздайте

славу Богу! Его святость и правосудие требовали вашей вечной погибели, и все твари, и вся вселенная не смогли бы вас спасти, ибо закон есть закон, а Тот, кто его установил, есть сама мощь и мудрость. Но, как отец, тронутый состраданием к детям и, когда нужно, отдающий свою жизнь за них, так и Господь, Бог наш, нашёл в глубине Своей любви мысль о величайшей жертве.

То, чего сотворённая вселенная сделать не могла, сделал Он один: мы должны были погибнуть — Он отдал Себя за нас; наши беззакония обвиняли нас — Он взял их на Себя; нашими вечными страданиями была определена кара — Он пожелал их понести. Всё, что только могут содержать моральные и физические муки самого мучительного, — всё это выпало Ему на долю. Всё, что может претерпеть святая и чистая душа при соприкосновении с душами нечестивыми и осквернёнными, — Он всё это перенёс без жалоб, сея мир на Своём пути, исцеляя тела и души. Он благословлял — а Его проклинали; Он изливал на всех Свою нежность — а Его презирали, пока наконец, после всех этих страданий, Он не понёс страдания высшее — видеть, как Его публично отрекаются те самые, кого Он любил, и это — в казни, позор которой равнялся её ужасу.

Благодарение Богу, брат мой: у вас есть Спаситель — и это Сам Бог, ибо только Он мог восполнить утрату энергии, внесённую в мир нашими беззакониями, и только Он мог найти в безмерности Своего сострадания тайну удовлетворить Свою любовь, не умаляя Своей святости и правосудия. И это произошло через Его самопожертвование. Не стремитесь понять только своим рассудком Божественный механизм этого действия: как Бог — Творец неба и земли — в лице Своего единственного Сына принял тело человека, чтобы вынести все человеческие страдания и, содрогнув вселенную ужасом, принял смерть из рук Своих же созданий. Но признайте, что если эта величайшая жертва остаётся тайной для вашего ограниченного ума, она полна света для вашего сердца, жаждущего жизни и прощения; признайте, что если вы не понимаете Иисуса Христа — истинного Бога и истинного человека — разумом, вы всё же понимаете сердцем, что Он мог пожертвовать Собой, чтобы спасти нас от вечной погибели; что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»; и что если Распятый Спаситель соблазн для вашего рассудка, то сердце ваше понимает Его зияющие раны и кровь, которая уже девятнадцать веков льётся для нас с Голгофы на грешную землю.

Если эти чувства сначала не затронут ваше сердце, отметьте хотя бы с чисто интеллектуальной точки зрения, насколько сама природа великого факта, о котором я вам сообщаю, является логическим следствием того, о чём вы уже обладаете экспериментальным знанием, а именно: греха. Поскольку грех внёс нарушение как в материальный, так и в духовный мир, акт, предназначенный для уничтожения последствий греха, должен был быть одновременно духовным и материальным. Падший человек осквернил и тело, и душу; возрождённый человек должен быть возрождён и в теле, и в душе, и должно было быть так, чтобы праведник без греха добровольно понёс страдания тела и души грешного человека.

Акт спасения, таким образом, не заключается, как слишком часто ошибочно полагают, в простом моральном возвышении, в практике добра, в любви к прекрасному и истинному, где человек был бы главным деятелем, берущим образец с божественной личности Иисуса; этот акт — мощная реальность в творении, к которой мы не имеем никакого отношения. Его совершение Сыном Божиим в определённый момент истории человечества было столь же необходимо для осуществления возрождения человечества, как в материальном порядке действие центрального солнца необходимо для превращения хаотической совокупности странствующих звёзд в гармоничную и упорядоченную систему, каждая из которых движется по собственному импульсу и сама по себе могла бы лишь бесконечно расширяться и разрушать весь организм.

Страдания, смерть и воскресение Христа обладают собственной эффективностью, без которой искупление человека невозможно. Именно это энергично выражает Слово Божие в словах: «Христос должен был пострадать». Если это так, то почему, после того как вы ощутили себя осуждённым законом, вы не хотите почувствовать себя спасённым по благодати и милосердию Божию? Какие препятствия мешают вам полюбить Того, Кто возлюбил вас до смерти за вас, принять как бесплатное спасение орошение Его кровью, и заменить отчаянный стимул человеческой морали — невозможное соблюдение закона — на высокий стимул благодарности и любви, который только через участие в духе Христа делает возможным соблюдение всего закона?

Хотите ли вы жить или умереть, быть спасённым или погибнуть навеки? Как говорил Паскаль, здесь разыгрывается ужасная игра; но каков бы ни был исход, он будет достойным справедливости, святости и милосердия Бога, и наш свободный выбор не умаляет неприкосновенности этих великих законов. — Я понимаю вас, потому что я понял свой грех и разделение, которое он создаёт между мной и Богом; я хотел бы верить в реальность спасения, которое вы мне объявляете; но моё первое открытие омрачило мою душу и почти иссушило моё сердце, и, показав мир в безнадёжном виде, оно в некоторой степени высушило мою способность любить и надеяться. Здесь есть живая рана, которая боится даже дружеской руки, стремящейся её исцелить. Когда я меньше верил в совершенную справедливость Бога, я больше верил в Его доброту; ваш опыт потряс меня, не утешив, и раньше я был счастливее.

— Ваш ответ огорчает меня; он меня не удивляет. Я слишком хорошо знаю по личному опыту, что чисто человеческие рассуждения и усилия не эффективнее для доказательства истины искупления, чем для доказательства самого существования Бога. Здесь особенно проявляется необходимость экспериментального метода. Чтобы поверить в грех и в Бога, человеку достаточно было откинуть тёмную завесу, которую он сам натянул на своё сердце; чтобы быть и чувствовать себя спасённым и примирённым с Богом, нужно принять всем сердцем предлагаемый ему акт спасения, и получить от Самого Спасителя, чтобы Он соизволил вселиться в него, заменить его жизнь Своей и дать ему это крещение Духа, которое разрушает старого человека и создаёт новое рождение. «Никто не может сказать: “Иисус Христос есть Сын Божий”, кроме того, кому Отец откроет это» (Мф. 16:17, 1 Кор. 12:3).

Итак, этот факт — это откровение — нужно получить, чтобы поверить в реальность спасения. И здесь молитва особенно необходима: «Господи, увеличь нам веру; я верю, помоги моему неверию» (Луки 17:5, Марка 9:24). Нет ни одного христианина, который не мог бы засвидетельствовать тот определённый и благословенный момент, когда он почувствовал Духа Спасителя снизойти на него и впервые дать ему понять, что значит быть с Христом; этот благословенный миг, часто лишь мгновенный, открыл бесконечность, и произвёл такое сильное впечатление, что более не остаётся желания, кроме как продолжать его и сделать это состояние невыразимой радости обычным состоянием своей жизни. Христиане прежде всего — практичные люди, потому что они результат живого опыта и слишком хорошо знают мощь Духа Божия и слабость человеческих рассуждений, чтобы искать силу доказательства где-либо, кроме этой мощи, которая победила их самих.

Для меня, брат мой, я хотел лишь объявить вам, что если Бог — святость и справедливость, Он также — любовь в своём высшем проявлении; я хотел засвидетельствовать, что Иисус Христос — Сын Божий и мой Спаситель, и что с того момента, когда эта уверенность наполнила мою душу, отчаяние и усталость жизни уступили место миру, который «превосходит всякое понимание». Это факт, и я предлагаю его вашему размышлению — не для того, чтобы сделать его лишь предметом интеллектуального изучения, а чтобы вы попытались реализовать его сами.

— Но, скажете вы, если этот великий факт искупления действительно был подготовлен и совершен Богом, он должен был оставить в ходе веков светлые следы своего присутствия, чтобы служить своего рода документами для веры. Так и есть: Бог в Своей благости оставил нам Историю Своих удивительных распоряжений, записанную им самим. Вот книга, старая как мир, которая содержит историю мира; она пережила все революции, избежала всех катастроф, о которых она сама предсказывала, и сегодня, как и во времена пророков, она является интеллектуальной и духовной пищей для тысяч душ, находящих в ней утешение и надежду.

Я не хочу здесь приводить удивительные доказательства разного рода, свидетельствующие о её божественном происхождении, например, точное совпадение её данных о формировании вселенной, в частности Земли, конечной тенденции сил, её оживляющих, и современных научных результатов по тем же вопросам. К ним относятся, например, точное исполнение пророчеств, не только тех, которые допускают духовное толкование, но и тех, которые содержат математически определённые числа и которые исполнились буквально. Смотрите также выводы Фоли и Хирна, где они выводят будущую жизнь и бессмертие из математической теории тепла. Неверие не может отрицать эти факты; оно лишь предпочитает о них не говорить. Господин Ренан, который о них говорит, не может решиться признать в этом руку Божию и слабо пишет: «Этот народ всегда обладал удивительной интуицией будущего». И действительно — весьма удивительной.

Я ограничусь тем, чтобы указать вам, в рамках нашей дискуссии и чтобы предотвратить возражение, что эта книга отличается от всех других священных книг, которые достались народам в наследие, особым, выдающимся характером, который сам по себе мог бы доказать её истинность и вдохновлённость: она показывает нам, воспроизводя в огромном масштабе на протяжении всей истории человечества, психологический феномен греха и его последствий, который каждый человек может, и вы сами сделали это открытие экспериментально в себе. Едва мы открываем эту книгу и ненадолго отдыхаем мыслью, созерцая счастье человека, вышедшего из рук Бога, как на землю нисходит скорбь, дыхание Сатаны отравляет сердце неблагодарного создания, и человек, впавший в падение, восстаёт против Бога: грех входит в мир, и с грехом приходит смерть.

Ни один человек не сможет победить ангела, в руке которого сам Бог положил пылающий меч, чтобы охранять вход в место наслаждений и покоя; ни один человек не сможет примирить грешного и виновного человека с Богом, чьи глаза слишком чисты, чтобы видеть зло. Все согрешили и лишены всякой славы пред Богом. Зло неизлечимо всеми совместными усилиями всех созданий, и подобно уродливой проказе, против которой ничто не устоит, медленно и верно охватывающей всё тело, которое она поразила, грех, исходящий из сада Эдема, через кровь Адама проникнет в вены человечества и обхватит землю смертельной хваткой.

Еврейский народ, избранный народ, в среде которого Господь должен проявить Свою благодать, народ, насыщенный благословениями и непрестанными предупреждениями Бога, в ответ приносит лишь восстание и неблагодарность. Он сожалеет о своих постоянных промахах, но затем вновь погружается в ещё более глубокие пропасти греха. Этот горький урок знаком каждому человеку, не возрождённому свыше и пытающемуся собственными силами исполнять Божий закон: чем яснее он видит его правоту и возвышенную красоту, тем острее ощущает собственное бессилие выполнить его. Еврейский народ, всё человечество до Иисуса Христа — это тот человек, это вы, это я, когда своим личным опытом мы признали и своё состояние греха, и свою беспомощность, и справедливость нашего Бога.

Но когда Иисус Христос, единственный Сын Отца и истинный Бог, явился и своей божественной кровью, пролитой на кресте, омыл наши беззакония, искупив их сам, все

искренние сердца, которые не отвергли Дух Святого Бога, воскликнули: «Вот тот, кого мы ждали!» Они имели достаточно веры в своего Господа, чтобы поверить в Его любовь, так же как верили в Его святость и справедливость; они не удивлялись, они признали Отца, от которого отдалились; божественный характер, частично сокрытый их слепотой, был полностью открыт, и им казалось, что они возвращаются в дом отцовский; будучи гражданами небес, они почувствовали вместо вечного страха вечный мир небес, который наполняет их душу; они родились свыше; и если установленный порядок не был отменён, если, объединённые с тленным и смертным телом, они продолжали делить его страдания, эти страдания приобрели для них божественный смысл, даря скрытую радость в глубине каждого из них; и эта радость — страдать, как страдал их Спаситель.

Другие, ощущая свои грехи, ответили новым восстанием, коренящимся в их безумной гордости, на зов Духа Божьего, и их закалённые сердца не захотели признать в Иисусе Христе Мессию, который им был обещан. Эти люди не поверили в любовь Божью, потому что сами не любили её, они отвергли предложенную благодать и тем самым подтвердили осуждение, которое уже лежало на них.

Так среди евреев, осознавших грех до Иисуса Христа, но которым был обещан Спаситель, лишь те признали Спасителя, кто действительно открыл своё сердце Духу Божьему; освободившись от земных надежд, они поняли, что их истинное несчастье заключается не в пленении или потере отечества, а в их грехах, которые постоянно обвиняли их, и что материальное освобождение их нации было незначительным событием по сравнению с духовным освобождением их душ. Итак, великий психологический факт, который в течение четырёх тысяч лет разворачивался через историю человечества и особенно народа Израиля, должен повториться в каждом, кто искренне искал живого Бога, пришёл к осознанию своего греха и осуждения. Им, как и евреям две тысячи лет назад, объявляется Христос как их Спаситель, который понёс и искупил их беззакония, и им задаётся вопрос: «Верите ли вы, что Бог в Своей любви мог для нас снизойти до смерти на кресте?»

Все, если они помещены в исключительные условия, которые мы предположили, ответят логично: «Мы желаем этого». Но те, кто действительно искал Бога сердцем, уверуют с непобедимой уверенностью в реальность божественной жертвы и её бесконечную силу; как утопающий, который долгой ночью был сбит волнами, с силой хватается за брошенный ему спасательный канат, так и грешник, убедившийся в своём грехе, примет спасение, предложенное ему во Христе Иисусе, с горячностью и доверием, рожденными из отчаянной ситуации. Но необходимо, чтобы человек это принял! В драме свободы Бог, прежде всего, уважает свободу. Он ищет народ истинной свободы; Он хочет сердца, которые отдаются добровольно. «Я больше не называю вас рабами, — сказал Господь Иисус, — Я называю вас друзьями». «Любишь ли ты Меня?» — говорит Он Петру после его отречения. Эти слова обращены к каждому из нас, и наш ответ покажет, верим ли мы в спасение так, как следует верить.

Здесь, как и в любом другом вопросе, ни свидетельство большинства, ни традиция, ни книга, пережившая века, не дадут уверенности в уме, который отказывается принимать Дух Божий. Сколько людей говорят о религии, глубоко знают её историю и догмы, изучали жизни и труды великих христиан и никогда, несмотря на всё своё знание, не поняли духовную жизнь! Они изучали форму этой жизни, но не догадались о её сути, потому что в своём исследовании они использовали лишь часть себя — интеллектуальную часть. Мало какие примеры столь показательны в этом отношении, как толкования «Мыслей» Паскаля, потому что речь идёт о личности, необычайной как силой мысли и остротой ума, так и духовной энергией души. Думают ли, что без его несравненного стиля, смелости мысли, знаний и выдающегося интеллекта, Паскаль, гигант по глубине души и знанию Божьих вещей, оставался бы объектом постоянного изучения на протяжении двух веков? Нет. Как и многие

святые, менее известные миру, но обладавшие той же любовью к Богу, что и он, и осознававшие абсолютную необходимость Божьей благодати, он остался бы незамеченным.

Качества, которые мир возвеличивает в нём, — это те, которые мир любит находить в себе, ибо они дань идолопоклонству собственного «Я». А те качества, которыми мир стыдится, как смирение великого ума, святость, горячая любовь к распятому Спасителю, предпочитают не замечать или объяснять как отчаяние и скептицизм чрезмерного ума, выбравшего «самоубийство разума» перед мучениями интеллекта. Мир скорее назовёт Паскаля сумасшедшим, чем признает в нём святящую силу Духа Божьего, не понимая, что именно из этой веры к небесному он черпал истинный скептицизм к мирскому — философии, науке и справедливости мира. Такой же принцип применим и к Библии: она оскорбляет не рожденных свыше и озаряет светом грешников, коснувшихся благодати Божьей. После стольких ярких примеров со стороны учёного неверия, как можно ещё пытаться доказать человеческим рассуждением божественное происхождение Библии?

Тем, кто требует доказательств, не достаточно сказать: «Это Слово Божье». Вот книга; вы утверждаете, что это вдохновлённая книга, содержащая весь закон духовной жизни. Возможно, но я должен научно сомневаться: какова дата и место издания? Кто издатель? Это перевод; с каких оригиналов — древних еврейских или греческих манускриптов, которые сами по себе были копиями? Вы хотите, чтобы я верил точно в детали жизни и смерти Иисуса Христа, а самый древний из манускриптов — три века младше Его жизни! Сколько ошибок могло проникнуть через небрежность переписчиков в этом «обломке», на котором вы основываете вечные интересы! Как ненадежна опора для столь великого дела, и как её предложить разумному человеку, привыкшему взвешивать вероятности свидетельств, зная, как быстро снижается вероятность при увеличении числа последовательных свидетелей!

Нельзя отрицать важность этого возражения. Безусловно, с чисто интеллектуальной точки зрения можно показать согласованность Писаний, исполнение пророчеств, тысячу связей, которые делают эту Книгу, охватывающую двухтысячелетний период, прекрасно организованным целым. Но даже такая изучение, при условии наличия достаточно широкого ума для охвата всех знаний, необходимых для исследования, и ответа на все возражения противников христианства, даст лишь уверенность в высокой вероятности, но не абсолютную уверенность.

Предположим, человек имеет уверенность в истине Писаний равную уверенности в системе мира Ньютона. Всё равно ему придётся научно сомневаться, и малейшее сомнение, несущественное для системы мира, критически важно для духовной жизни, ибо оно препятствует любому применению и проверке. Вера — абсолютная вещь, и малейшее сомнение убивает её полностью, как малейший грех убивает святость. Даже если долгими рассуждениями человек достигнет уверенности, интеллектуальная вера не будет той верой, которая спасает. «Ты веришь в Бога, — говорит святой Иаков, — хорошо делаешь; и демоны верят, и трепещут» (Иакова 2:19). Не отрицая ценности возражения, следует признать, что без критерия, превосходящего человеческий разум, невозможно полностью и искренне принять Священное Писание как Слово Божье. Этот критерий — совесть, освещённая Духом Божьим.

Читайте Библию без осознания своих грехов, абсолютной зависимости от Бога, без потребности в спасении — она останется мертвой буквой или оскорбит вас, ибо вы не поймёте её внутреннего и глубокого смысла. Откройте своё сердце Духу Спасителя — и всё прояснится, приобретёт значение, о котором вы и не подозревали. Вы будете идти от удивления к удивлению, от восхищения к восхищению, видя, как могущественное Слово проникает в глубины вашей души, обнажает её и открывает вам самих себя, одновременно показывая любовь Вечного.

Возможно, вы иногда поставите под сомнение странный или непонятный факт, но не спешите отрицать его достоверность, ибо научно для этого нет оснований. Будьте достаточно скептичны, чтобы сомневаться в чудесах или «сверхъестественных» фактах, и оставайтесь в сомнении, пока не получите доказательств. Настойчиво продолжайте изучение при тех же «экспериментальных условиях», и рано или поздно свет озарит вас, вы сделаете открытие и убедитесь в точности свидетельств христиан, которые утверждают, что Писание целиком есть работа Духа Божьего, и в том, что оно полностью вдохновлено Богом и полезно для учения, наставления и исправления. Сердце, «разбитое и сокрушённое» — вот новый инструмент для мира, неизвестная линза, с помощью которой необходимо устремлять свой взгляд к небесам истины. И природа этого инструмента является новым знаком божественности Слова; оно доступно всем, так как даруется каждому Богом; это богатство малых и простых, а также величайших умов. Но кто им воспользуется?

Ах! Чтобы доказать истину христианства, нужны не только учёные споры об авторитете Писаний, не только могущественная временная власть, протянувшаяся сквозь века, не только примеры святых и кровь мучеников, — нужен сердце, достаточно искреннее, чтобы признать свой грех, и достаточно прямое, чтобы страдать от него. Вот инструмент, который нужно приобрести. И кто нам его даст? — Дух Божий. И к кому мы его будем просить? — к самому Богу. И как будем просить? — через молитву.

Благодаря этому абсолютно человеческому и универсальному характеру христианства, его доказательство независимо от истории, и приверженность ему ничего не стоит, если она лишь плод воспитания или привычки, а не личного опыта. Поэтому роль того, кто, обладая истиной, стремится передать её другим, должна ограничиваться вызовом этого опыта, который может состояться лишь при активном участии самого человека, который должен его пройти. Тот, кто по какой-либо причине отказывается от этого участия, не должен удивляться, что не приходит к вере; но каким правом он осудит тех, кто, пройдя опыт при необходимых условиях, утверждает, что обнаружил эту новую истину?

Странное переворачивание! Когда ум научный и строгий в физическом эксперименте, он становится мечтателем и создателем систем, когда речь идёт о духовном опыте. Как будто законы хорошо проведённого опыта не одинаковы во всех случаях, как будто в обоих случаях нельзя решать исход, прежде чем попробовать! И как стыдно обнаружить, что эта сопротивляемость опыту происходит исключительно из естественной трусости души, что разум в этом случае раб характера, и что столько людей, утверждающих, что их радость — в открытии истины, хотят познать лишь то, что не потревожит глубокий, смертельный сон их души!

Этот сон — живая рана, к которой мир не хочет прикоснуться, ибо касание её приводит к величайшему разочарованию и страшнейшей боли; сделают всё, чтобы этому препятствовать. Истинному Богу, который хочет принести исцеление, заменяют лживыми богами, услужливо потворствующими человеку; Слово жизни с неба, обнажающее рану, заменяют словом смерти с земли, скрывающим её от глаз; все ресурсы гения и красноречия будут использованы, чтобы доказать человеку, что он счастлив и хорош, хотя его неумолимая совесть каждую секунду показывает, что он несчастен и виновен; человек опьянеет, чтобы не видеть, запоёт от радости, чтобы не плакать от отчаяния.

И когда после всех богов и идолов человек подумает, что в своём разуме нашёл Бога, законы которого позволят ему познать вселенную, он ещё охотнее разрушит свой алтарь, чем повинуется ему, когда этот разум сам по имени научного метода прикажет обнажить рану и пройти болезненный, но необходимый опыт исцеления. Сколько же силы, с научной точки зрения, имеет позиция христиан! Это люди, которые прошли опыт, о котором идёт

речь, жили в общении с Богом-Спасителем, который призвал их своими друзьями, и всем отрицаниям, сомнениям, якобы доказательствам противопоставляют этот опыт и этот факт. Даже самый скромный из них по самому этому факту умнее самых учёных неверующих, и если бы здесь не было самого печального в мире, он имел бы право улыбаться их мелким объяснениям, как астроном улыбается сказкам о плоской земле и заходящем солнце, как физик смеялся бы над устаревшими объяснениями влажного, сухого, лёгкого и тяжёлого, а геолог — над ракушками, оставленными паломниками на пути в Святую землю.

Невежественным, рассказывающим эти сказки, учёный говорит: «Придите и посмотрите»; учёным же, которые отрицают истину христианства, христианин отвечает: «Придите и посмотрите». Если ни один, ни другой не согласится пройти опыт, каждый останется рабом своих предрассудков и сказок, и различие будет лишь в объекте: один скажет, что нет антиподов, другой — что Бога нет и Христос не Спаситель. Но если они захотят поставить в практику эти два слова: «Придите и посмотрите», кто скажет, какую радость для утешения и силу для преобразования и обновления души принесёт им эта попытка? Это знают только те, кто реально познал через общение Спасителя, которого сначала не знали или не признали.

Как все настоящие христиане, они могли бы проверить сами реальность присутствия Иисуса и исполнение Его обещания: «Я с вами до конца века». Не как всеобщая провиденциальная сила, действующая над внешним миром, а в живой связи свободы со свободой, в постоянном обмене мыслями, в ежедневном и мгновенном общении. Они бы на собственном опыте ощутили несовместимость святости Бога и греха человека; рядом с периодами мирной и невыразимой радости, превышающей разумение, они узнали бы в обычной жизни другие периоды смятения и оставленности, почти всегда происходящие от того, что сознательно или нет не следовали достаточно близко за своим Божественным Учителем.

Они бы проверили, что малейшее нарушение закона, малейшее осквернение мысли достаточно, чтобы христианин, полагающий себя сильным, перешёл из состояния благодати в состояние справедливости; в этих жестоких опытах они измеряли бы невыразимую святость Того, Кто вывел их из тьмы и призвал к свету, и предчувствовали бы страшную реальность духовной смерти — состояния душ, отделённых навечно от Бога, которому они оскорбили благодать, страдающих и не надеющихся, потому что не любят больше. В этом состоянии падения и относительного оставления их единственной опорой остаются покаяние, настойчивость в молитве и взгляд к Спасителю; и когда, по милости Божьей, мир и уверенность в спасении возвращаются к ним, это происходит в решающий момент, который они хорошо запомнят и который свидетельствует о личном действии, не зависящем от их собственной воли.

Так они ежедневно учатся пребывать ближе к Господу, бодрствовать и молиться, пока, всё более убеждаясь в своей беспомощности и силе Христа, они полностью предаются Ему, чувствуют Его жизнь в себе и могут сказать, как Павел: «Не я живу, но Христос живёт во мне» (Галатам 2:20). Человек, проходящий такие опыты, уже прочитал Божественное Слово в себе, не открывая книги; человеческое сердце — первая редакция Библии. Почему же христианин будет сомневаться в реальности фактов, которые она открывает? Разве он не тот Адам, которого грех отделил от Бога? Разве он не видит своими глазами этот отвратительный грех, действующий разрушительно не только в нём, но и на его потомков и в его окружении? Вот передача первородного греха!

Именно его Господь избрал и вывел из земли Египта, полной порока, чтобы привести в обетованную землю святости. Библия представляет ему образ абсолютной свободы Бога и Его власти над миром; и он, через непрестанно обновляющийся опыт, чувствует и видит, как

эта власть и свобода действуют в нём и вне его, исполняют его молитвы и изменяют в его пользу даже материальные явления, так же, как это происходило со святыми избранного народа. Спасителя, о котором она ему повествует, он уже знает: как он мог бы сомневаться в воскресении, когда каждый день своей жизни он видит, что Господь Иисус жив; как сомневаться в личности духа зла, против которого он борется, и который никогда не более решительно нападает на него, чем тогда, когда тот стремится приблизиться к своему Богу?

Если посланцы фарисеев говорили о Иисусе: «Никогда человек не говорил, как этот человек», то нет ни одного христианина, который не мог бы сказать о Библии: никто никогда не говорил о человеке так, как это говорит эта Книга, и она именно поэтому божественна — потому что она так человечна. Все эти экспериментальные проверки формируют внушительное совокупное доказательство, которое Дух Божий печатает печатью непоколебимой уверенности. Библия — это цепь, натянутая между таинственными истоками творения и самыми отдалёнными глубинами Вечности. Концы её ускользают от нас, но мы держим звено, и, устремив глаза на Христа, Который — наш свет, мы всегда движемся вперёд, к утешающему свету Верхнего Востока.

Слово Божие, в котором мы уже видим исполненные обещания прошлого, не оставило нас без наставления и утешения в будущем: «Не будьте, — говорит оно, — как язычники, не имеющие надежды». Этот Иисус, который оставил вас, чтобы подготовить для вас место в Царстве Небесном, снова сойдёт с небес так же, как вы видели Его возносящимся на небеса. Он придёт, чтобы воскресить вас в душах и в нетленных телах и жить с вами вечно. «О смерть, скажете вы, царь ужасов, где твой укус? О гроб, где твоя победа? Вот, вот новые небеса и новая земля, где обитает справедливость; вот скиния Бога с людьми, Он будет с ними, и они будут Его народом, и Сам Бог будет с ними, и Он будет их Богом. И Бог отрёт все слёзы с их глаз, и смерти уже не будет, и не будет более ни плача, ни вопля, ни труда; ибо прежнее прошло».

Вот возвышенные надежды христианина, и вера делает их уверенностями. Он знает достаточно, чтобы удовлетворить все стремления сердца и совести; но не настолько, чтобы Слово стало предметом любопытства. Царство справедливости, мира, истины, возрождение его тела, души и духа, избавление от смерти — все эти великолепные и славные надежды он не сводит к амбициозной интеллектуальной системе, а выражает в простых словах последнего призыва вдохновлённого апостола: «Приди, Господь Иисус, приди».

Это общая черта Библии — обращаться постоянно к нашей нравственной природе. С первой до последней страницы она берёт нас целиком. Поэтому, как только мы абстрагируем часть себя, она становится непонятной, и мы искажаем её смысл. Вот почему истинный христианин, живя в высшей жизни, которая уже есть вечная жизнь, обладая уверенностями, поддерживающими постоянное состояние восторга, остаётся полностью человеком и проверяет это утверждение Иисуса: «Я не пришёл нарушить закон, но исполнить его». Естественный человек, сам искажённый грехом, видит мир через неровную призму, которая искажает все его измерения. В христианине равновесие восстанавливается через возрождающее действие Духа; искажённый образ мира восстанавливает истинные пропорции, и каждая вещь получает вес, соответствующий её значению. Всё, что в этом мире хорошо, красиво и истинно, займёт его мысли, но он не станет рабом ничего; будь он литератором, художником или учёным, он не сделает идолов ни из литературы, ни из искусства, ни из науки, и ценит эти благородные занятия лишь постольку, поскольку они возвышают его сердце и прославляют Бога.

Во всём, кто обладает вечной жизнью, он будет искать вечное и непреходящее, особенно в своих земных привязанностях, которые он возвышает на всю дистанцию, разделяющую время и вечность. И даже в проявлениях любви и дружбы, он всегда обращает глаза к небу.

Наконец, любовь сделает его миссионером; он горит желанием поделиться с братьями счастьем, изливающимся из него, и примирить их с Отцом, который также является его Отцом. Но он придёт к ним не с ложным чувством превосходства; он слишком хорошо знает, что стоит. То, что превосходит, — это не он сам, а то, что он приносит; у него сокровище, и он пришёл делиться им. Поэтому он будет подходить к другим не только с симпатией, но и с уважением; он слишком осознал свою недостойность, чтобы не видеть других людей как более совершенных, чем он сам; он слишком много страдал, чтобы не иметь сострадания; он слишком много созерцал умирающего Учителя, чтобы не понять цену душ, спасение которых заслужило такую смерть.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

